

Богумил Мурин

Владимир Титов

**ОДНА
НОГА
ЗДЕСЬ...**

КНИГА
ПЕРВАЯ

ХУДОЖНИК - Константин Кунщиков

— ПБ —

Владимир ТИТОВ

Одна нога здесь... Книга первая

«Издательские решения»

Титов В. В.

Одна нога здесь... Книга первая / В. В. Титов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906718-0

Жил Яромилыч, весёлый и хитрый одноногий старик лет шестидесяти, бобыль-бобылём на самой окраине города Зибуня. ... Жил-поживал и не думал, не гадал, что в один прекрасный день против него ополчатся лучшие бойцы Преисподней, лихие людишки признают его своим главарём, а самому ему придётся отправиться в далёкий путь — в стольный град Синебугорск — для исполнения некоего важного и опасного дела...

ISBN 978-5-44-906718-0

© Титов В. В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	26
ГЛАВА 5	31
ГЛАВА 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Одна нога здесь...

Книга первая

Богумил Мурин
Владимир Владимирович Титов

*Светлане,
долго подталкивавшей меня к написанию
этой истории, её я и посвящаю!*

Иллюстратор Константин Кунщиков

© Богумил Мурин, 2019
© Владимир Владимирович Титов, 2019
© Константин Кунщиков, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-6718-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Родятся в мире Чернобогу на пагубу богатыри великие, вои отважные, мужи прославленные. Суждено так велением Рода-Отца, Бога Великого, что делам чернобожиим злокозненным пресечение наступит от рук человеческих, вот и следит Чернобог за каждым из отмеченных такой судьбою. За каждым шагом их наблюдает, извести ещё с малых лет норовит. А когда те, возмужав, на подвиги отправятся, веление Рода Великого исполнять, каждому из них находит Чернобог задачу такую, чтоб с малым злом бороться начали, а про Него и думать забыли. Одолеет герой одну препону – так у Чернобога наготове ещё две. Народит земля новых героев, а Чернобог уж тут как тут, трудными подвигами манит, а сам безнаказан остается. Так вот и возьмется богатыри с невзгодами, рушат черные замки, переводят чудищ лесных, спасают дев заколдованных, полоны от змеев вызволяют, а за Чернобога и взяться-то некому. Некому исполнить повеленье Родово!

Что ж, когда богатырям можем да витязям удалым некогда за дело взяться, время призывает совсем других героев...

ПРЕДИСЛОВИЕ

Широко раскинулась Великая Славия – обильная земля славянская! От моря Белого, до моря Чёрного, от тороватых фрягов до таинственной страны Хань, от небес и до тверди, как есть посередь всего света белого! Много здесь земли плодной, полей бескрайних и лесов высоких, гор крепких, рек могучих и озер бездонных. Несчитано городов и городцов малых раскинулось по всей шири великой Славии, и первый середь них – стольный град Синебугорск, гордый и сильный. Бегут от него во все прочие города дороги наезженные, нахоженные. Туда и оттуда товар разный везут, скотину стадами гонят, из дальних стран караваны диких животных важно вышагивают по тем дорогам. Одна из таких дорожек воротит до городка Зибуня, что скромнехонько притулился на самом краешке карты. От Синебугорска разве что Комарьев ещё дальше. Имелся в Зибунях и свой князь, да толку-то...

Славны Зибуня были разве что волхвом Велеславом, жившем там в незапамятные годы, а больше, пожалуй, и ничем. Полторы тысячи домишек с огородами, утоптанная городская площадь, где разгуливают гуси и в лужах купаются чушки, посередь – гордо воздвигся княжий терем в четыре яруса, напротив же него – продолговатый низкий храм Велеса, за которым притаилась невеликих размеров ярмарка, а вокруг всего этого сонного государства, густо присыпанного пылью, обежал тын из брёвен сосновых, совершенно никому ненужный, ибо ворог, с превеликим трудом одолев половину пути до Зибуней, возвращался назад, проклиная тех, кто удумал построить город так далеко. Вот вам, собственно, и все Зибуня в полной красе. Ничего примечательного. Разве что только дед Яромильч... Ну, что ж, про него и сказ поведем!

ГЛАВА 1

Жил Яромилыч, весёлый и хитрый одноногий старик лет шестидесяти, бобыль-бобылём на самой окраине города. Не всегда так было, не всегда. Прежде имелся у него дом в самой середке города, можно сказать настоящие хоромы, ещё дед с отцом строили, да потом так случилось, что подальше от людских глаз стало жить в самый раз. И бобылем он жил не всегда. Как-то недолго, года этак три назад, жила с ним вдова Людоты-охотника, которого заломал медведь-шатун в тот год, когда Зибуня горели. Да так, надо сказать, заломал, что и хоронить было почти нечего. Когда по его следам искать пошли, только и обнаружили что рогатину сломанную, одежду разорванную, всю в крови, да валенки. Немила, бабёнка сорока годов, особо и не тужила по мужику. На погребальное кострище собрала то, что в лесу нашли, да ещё снасти ловчие мужнины, помыкалась маленько одна-одинешенька (детей им с Людотой Боги не дали), а потом к Яромилычу жить пошла, сказав, что вдвоем хозяйство вести легче. Понятно, что не от любви она к нему перебралась, а того ради, что после Яромилыча домишка евонный ей бы отошел. Легче жить, оно, может, и легче, да только ндравом они не сошлись. Яромилыч сам по себе на язык зол да остёр, а когда в доме Немила эта появилась, то совсем бранчливый стал – в избе то и дело, что ругань столбом. Яромилыч грешным делом подумывал уже, а не от жены ли в зимний лес удрал тогда Людота на свою голову? Это поначалу вдовица тихой была – обвыкалась, присматривалась, а потом как начала Яромилычем помыкать да приказывать ему – и это в своем-то доме! Да как стерпеть такое дело?

Плюнул дед на приличия, свернул из немилиных вещей большой узел и за дверь его вместе с хозяйкой! Уж как та бранилась, как в двери колотилась! Страсть! Глядя на столь небольшую бабёнку, просто диву даешься, откуда в ней силища такая взялась?! Грозилась даже избу спалить, если не отопрет, окаянный. Дверь уже даже колом подперла, и давай поленницу под стены перетаскивать, сено в щели закладывать. Яромилыч не на шутку испугался такому обороту, ведь и впрямь спалит, дура набитая! Спасибо соседям, выручили. Пока Немила вопила в голос, что её грабят и убивают, тщетно призывая на помощь, соседи и в ус не дули – семейное дело, ссорятся-мирятся, тут чужому лучше не лезть. А если и впрямь Яромилыч свою приживалку выкинул, так и пусть её – ему, должно быть, виднее. Но вот когда вредная баба красного петуха пустить удумала, тут соседи встревожились. Домишки же рядышком все стоят, полыхнет у Яромилыча, так огонь к ним перекинется. Не божеское дело баба творит! Набежало тут народу, скрутили Немилу, та уж совсем в придурь впала, лицо скособочилось, слюна течет, вырывается да верещит:

– Я вам всем отомщу! Права такого не имеете, чтоб мешать правый суд вершить!

– Да мы тебя сами под суд! – ругались мужики, но под суд отдавать не стали, а лишь выгнали бабу прочь, слегка намяв бока. Кол из-под двери вышибли, а оттуда Яромилыч с ухватом наперевес кинулся, но, увидев спасителей своих, спрятал оружие за спину и виновато улыбнулся:

– Видите, мужики, как бывает...

– Бывает, – сказали мужики и разошлись по домам.

Немила позже приходила ещё несколько раз, вернуться пыталась. Клятвы всяческие давала, что такого больше не повторится. Да Яромилыч ей всегда одно отвечал:

– Во-во, не повторится! Потому как не пущу тебя больше. Иди, откель пришла...

И всегда одним и тем же заканчивалось. Та сразу в крик! Как из мешка дырявого обвинения сыплются: и гад он этакий подколодный, и негодяй, и мерзавец, обманул её, молодость сгубил! Ну, про последнее, так это она, наверное, его с Людотой-покойником перепутала. Один раз пришла требовать назад свои вещи, дескать, старый вор, не всё отдал бедной вдове, небось, обогатиться за её счет решил, а не выйдет! Яромилыч запустил дуру-бабу в дом, а сам, пока

она там рыскала да котелками громыхала, на улицу посидеть вышел. Та через час с мешком большим выбралась, заявила, что часть своих вещей она так и не нашла, видать, одноногий негодяй успел пропить их, а за это она забирает у него кое-что из имущества, тем более оно ей и так положено, ибо сколько она с этим старым мерзавцем намучалась, одни Боги только и знают! А потом ещё потребовала, чтобы он помог дотащить мешок до её дома.

– Ну, тебя к лешему! – ругнулся Яромилыч, сплюнул и ушел в дом, чтоб не видеть больше эту каргу.

В доме царил полнейший разгром, часть вещей и впрямь пропала, в основном всякая посуда, одно нарочно поломано, ему на досаду, другое порвано и на виду брошено... Впрочем, оставшегося вполне Яромилычу хватало – гости в его дом всё одно не частили, а что и попорчено, так дело наживное. Отделался от Немилы малой кровью, и ляд с ней. Подумаешь, утварь какую-никакую потаскала, кубышка под половицей ведь цела! Баба не раз и не два пыталась, есть ли у него где копилка какая-нибудь, говорила, что знать хочет на тот случай, если он сам вдруг забудет, и вообще, она ж ему, почитай жена, а какие тайны от жены могут быть? Старик всегда отшучивался, и, как время показало, правильно делал.

Немила, часть добра получив, вроде как угомонилась и больше Яромилычу на глаза не попадалась. Но с той поры тот совсем зарекся иметь дело с женским полом. Жил он себе холостяком, не тужил, и впредь собирался той же дорожкой следовать.

Бобылем он, конечно, не сам жить пожелал. Вовсе нет. Когда был молодым парнем, так на него всяка девка заглядывалась. Любую, небось, за себя замуж взять мог бы. Хоть простую, хоть купецкого рода, а может даже и Светлу, дочку самого воеводы Вышаты, засватал бы. А что, заслал бы дружков своих верных – были у него на ту пору и такие – а там, глядишь, и сговорили б. Стоило пройтись Яромилычу – хотя нет, Яромилычем его стали звать уж много позже, по бате – Яромилу, а Яромил сына своего нарек совсем по-другому – Вятишей... Так вот, стоило пройтись Вятише по Зибуньским улочкам, с ватагой товарищей, в новехоньких красных смазанных сапогах, в расшитой рубахе, из-под шапчонки чуб торчмя завихренился, в правой рученьке щегольская железная тросточка – верная в драке помощница, а левая рученька на поясе, нож-треску придерживает, как все девки спешили к окошкам, прихорашиваясь на бегу. Походка важная у Вятиши со товарищи, в развалочку, на каждом перекресточке малом, а то и напротив окошка дома, где дюже приглядная девчушка живет – а много их на одной даже улочке обреталось, ой много, – кивнет Вятиша головой и верный приятель, – Бронькой, кажись, его звали, – тотчас подскакивал с мехом доброго вина и разливал всему честному собранию по маленькой чарке. Чарочки тоже были загляденье, серебряные, с чеканным восточным узором, батя Вятиши из дальних стран привез таких цельный набор. Все други-сотоварищи такие наперстучечки выдували за один глоток, раз и сухо на дне, а Вятиша не так. Он пил, едва касаясь чарочки губами, маленькими глоточками, поглядывая искоса на оконце – смотрит ли подруженька? Смотрит! Тут уж Вятиша делал вид, что заметил её, склонял голову, и чинно выпивал чарочку до дна, показывая девице, за чье здоровье пьет.

Ну, какие из девиц, может, и чванились, фыркали да от окна отворачивались, – поди, не взаправду, – но уж другие-то всяко понять давали, что по нраву им такие знаки внимания. Какая подмигнет, какая край платка закусит, а были и такие, что из окошка бросали Вятише пригоршню орехов каленых – к винцу на закуску. Товарищи кинутся орешки подбирать, а Вятиша стоит, с девой-павой улыбками обменивается. Чего ему по орехи бегать, товарищи подберут. А раз орехи кинула, так это, почитай знак того, что в пору и сватов засылать – отказу не будет. Тряхнет Вятиша чубом, затянет голосом сильным:

Эх, прошли богатыри

По Дону, по Дону...

А товарищи верные подхватят, кто звонко, кто гулко, в разнорой, но стараясь слаженно вытянуть вслед запевале:

*Со вечера до зари
Дать врагам разгону!*

В общем, всё шло к тому, что скоро Вятиша и впрямь женился бы, да только вышло совсем не так. Гуляючи с шумом да с важностью по зибуньским улочкам-переулочкам, где ему никто не перечил (кто перечил, те красными возгрями умылись), убедился Вятиша серьезно и окончательно, что парнище он как есть удалой, и что ему если море не по колено, то уж по пояс – это точно. Посему, отцовского да материнского дозволения не спросясь, с друзьями верными не прощаясь, отправился он славы себе поискать на широкой земле славянской. Только и оставил записку на бересте: «Когда славы богатырской себе добуду, тогда токмо домой и ждите».

Много верст отмахал Вятиша от родного дому, много дней-месяцев прожил в чужих краях. Серебро, что в дорогу взял, скоро вышло, так не беда. Был он к работе привыкший, все ж не только по улочкам с друзьями прогуливался, бывало и с отцом работал, плотничал, избы да бани строил, а когда дед был жив, так он огольца-внука как печки выкладывать наставлял. Тоже уменье особое, не всяк за него брался. Дед по матери, бывало, хлопал внука перепачканным мастерком по вихрастой макушке, когда случалось тому отвлечься от работы, и поучал: «Печка, она ж как женищина. Ты вот, хоть хмыкай, хоть нет, а точно тебе говорю. Баба она и есть. Вишь как хитро внутри устроена, так же и у женщин внутри все. Это у нас, мужиков, устройство простое, как дверной засов, туда-сюда, вот и вся песня. А тут, брат, наука! Все должно быть на своем месте. Вызубри наизусть, что и как там размещено! А то всю печку сложишь до конца, а один камень не так поставил, и всё, пропала твоя работа. Дым в обратку пойдет, или стенка перекалится и лопнет. А бывает и так, что все сложишь как надо, а тепла печка не дает. Почему так? А потому что с душой делать надо. Как себе! Да куда ж ты смотришь, бестолочь белобрысая! Опять деда не слушал?» И снова – хрясть по маковке.

Так что с плотницким да печным уменьем жилось Вятише не худо. Едва ли не вся его дорога от Зибуней оказалась украшена новенькими банями и печками, за которые, надо сказать, платили, весьма и весьма не плохо. Однако ж, все это было совсем не то. Не для того ведь он из дому почти сбежал, чтоб сельчанам было где мыться, а на подвиги ратные, за славою богатырской. Поначалу робко, осторожно вызнал Вятиша, нет ли где в окрестностях чудниц каких лютых, привидений-мороков, заколдованных замков, проклятых домов, пеищёр со змеями, не рассказывают ли о том, где такие места есть. Народ расспросам не дивился, мало ли кому чего нравится, кто-то пиво с солеными груздями любит, а кто-то, вишь, сказками интересуется. Завсегда находился краснобай, который с удовольствием рассказывал Вятише старинные сказки про битвы чудниц с богатырями, богатырей со змеями и змеев с чудницами, в общем, полный набор древних преданий. Потом уж, наслушавшись этаких сказок по самые уши, Вятиша начал выпрашивать прямо – нет ли таких мест, где и поныне нечистые дела творятся? По большей части оказывалось, что такие места либо расположены совсем уж далеко, либо были совсем недавно, но лет десять назад там проезжал богатырь такой-то и всех бесов, чертей и волкодлаков в придачу, разгромил наголову.

Вятиша печально продолжал свой путь, надеясь, что эти бесконечные богатыри все же не осилили заглянуть в каждый уголок, и что хоть где-нибудь нежить все-таки затаилась, в ожидании его, Вятиши, прихода. Два года минуло с того дня, как ушел он из родного дома, два

долгих года искал он приключений. И нашел, на свою голову... Что там было? Сам Яромилыч о том не то что рассказывать, но даже и про себя вспоминать не любил. Слухи доходили разные, подчас похожие друг на друга в отдельных подробностях, а подчас настолько разные, что можно было усомниться, в здоровом ли рассказчик уме? Как и что было на самом деле, знал один только Вятша, но он молчал...

Вятша вернулся в Зибуня ранним летним утром, понурился с поседевшими прядями на голове и неумело работая двумя костылями.левой ноги не было по колено. Он спешил домой, но дома его никто не ждал. Дед отошел к праотцам задолго до этого, мать умерла от лихоманки ещё в прошлом году, а отец тихо сгорел от горя. Его схоронили соседи за три дня до возвращения Вятши из странствий. Вятша затворился в доме и долго оттоль носу не казал, да и старые друзья-товарищи тоже не особо его старались на улице выкликать. По большей части все уже женами успели пообзавестись, и даже детишек нарожали, а те, что покамест холостяком хаживали, так на кой им одноногий приятель? На улице с таким пройтить – одна стыдобница! Да и нелюдимый стал, сын сычом. Нет, оно понятно, горе, чай, свалилось не шуточное, и все ж чего сразу в домоседы записываться?

Когда Вятша малость попривык к тому, что теперь он сам по себе, то стал думать, как дальше жить? Это вон раньше девки ему чуть ли не шею вешались, а теперь, когда без одной ноги, какая ж пойдет? Прежде по улице гоголем хаживал с шумом да с песнями, а нынче проковыляет тихомолком, и никакая девица не взглянет, а если и взглянет, так лучше б уж и вовсе не глядела – в глазах-то жалость! Товарищи к нему не сказывались, и сам он к ним не напрашивался, девицы нос воротили, а кумушки-соседки, до чего ж бабы любопытные, любой разговор норовили на то вывести, чтоб рассказал, как обезножил. Не любо стало Вятше тут жить, ой не любо... Продал он тогда отцовские хоромы и прикупил себе невеликую хибарку на окраине Зибуней, аккуратно под самым городским тыном. Народ тут особо в душу не лез – не сказывает новый сосед, что у него за беда приключилась, ну, стало быть, так и надо.

Обжился Вятша на новом месте, с соседями мало-помалу перезнакомился, начал им по хозяйству помогать. Все ж хоть и без ноги, а руки-то целы, сноровка на месте. Опять принялся баньки рубить и печки складывать. Пригодились дедово да отцовское ремесла. Зажил он не богато, но и не бедно, не токмо что на одного хватает, а и вдвоем прожить можно. Да только, опять же, кто ж за калеченного пойдет? Хоть и сварганил заместо пустой ноги калабашку деревянную, так что без костылей ходить можно стало, да штаниной её прикрыл, но ведь и так все знают, что колченогий. Прежним зазнобам уж не до него, по три люльки качают да мужьям кашу варят, к соседским дочкам, что в невестин возраст воили, тоже свататься не с руки – за седые пряди да за руки умелые давно уже его не Вятшей называют, а уважительно – Яромилычем, словно старика какого...

Может, со временем и нашёл бы Яромилыч себе жену – ведь не дряхлым дедом он вернулся в родные Зибуня, даже не середовичем ещё. Пусть и без одной ноги – но руки, голова и всё прочее, что для семейной жизни нужно, при нём осталось. А что нелюдимый – ну, так иной бабёнке оно и лучше. Разудалому весельчаку, у которого шло в одном месте, как бы не стало тесно в тихом семейном гнездышке – чего доброго, по чужим бабам шататься, да серебро, в хозяйстве нужное, в кружале спускать. Может, и согласилась бы выйти за одного угрюмца какая девка с изъянцем – косенькая, рябенькая либо пухлая сверх меры, над которой подружки посмеиваются, а парни-женихи стороной обходят. Или перестарка, что в пору расцвета из-за гордости своей женихов распугала. Или, напротив, ласковая дева, которая однажды не в меру податлива оказалась и от проезжего молодца байстрюка прижила. Или честная вдовица, без мужа горяющая...

И на возраст, давно уже не жениховский, и даже на увечье не посмотрела бы. В конце концов, всякое в жизни бывает. Кого бес под руку толкнёт, да так, что презвёхонький да

споровистый мужик самому себе топором пальцы оттяпает, кто в стычке с лихими людьми глаза лишится, кого зверь погрызёт, кого на рати посекут. Но всякий телесный изъян внятную причину имеет. А Яромильч наотрез отказывался рассказывать о том, как и почему лишился ноги.

Вот это и пугало. Шептались – давным-давно, будто бы, вышла одна девка за мужика однорукого, легли они спать, и ночью девка почувствовала, как отсутствующая мужняя рука её оглаживает. Липкая, склизкая, холодная... А всё потому, что жених её с тёмной силой спознался и руку не на честной рати утратил, и даже не по несчастливой случайности, а сам пожертвовал её на недоброе дело. В эту брехню, понятно, никто не верил. Однако соседи, даже те, чьих подросших дочек женихи по разным причинам не баловали вниманием, не заводили с Яромильчем приличных окольных разговоров: мол, мужик ты уже не молодой, а всё без пары, пора бы... И сам он ни к кому сватов не засылал.

Вот так и остался Яромильч сам по себе, живёт пусть и один, так зато в почете и уважении. Человек, говорят, ко всему привыкает, вот и он привык к тому, что есть. Хоть и немало времени после его возвращения прошло, а опять нрав на старое повернулся, снова балагурить начал, как в молодости, снова песни веселые запел. И соседям это по нраву, когда под боком не угрюмый однонога обитает, а весельчак, лёгкий на всякую помощь, хоть делом, хоть советом. Годков тем чином пробежало долой немало, стар стал Яромильч, никто уж и не помнил, небось, что некогда его Вятшей звали, спина согнулась, головушка буйная облысела, как клен по осени, зубов осталось не так уж много, но чтоб жевать – в самый раз. Обзавелся Яромильч палочкой хорошей, чтоб хромать сподручней было. Сам её из ветки могучего дуба вырезал. Намаялся, что не приведи Боги. Дуб, должно быть, на рудной жиле вырос, такой крепкий оказался. Зато теперь в любую непогоду с ней ходить самое милое дело: не снашивается, не ломается, ни древоточец её не берет, ни сырость. Во какая трость!

Макушку у палочки вырезал он в образе бородатого Велеса, такого, что видел в детстве на посохе у бродячего волхва, ночевавшего в их доме. Всю ночь протешкался он тогда с посохом тем, разговаривая с Велесом и представляя, что тот ему отвечает. В сурово открытые уста пытался вложить крошки, чтоб Боженька поел, а потом таскал посох по всему дому, чтоб Он познакомился, как и где семья Вятшина поживет. Но увы-увы... Много годков спустя палочка запропала, всего-то разок оставил её на пороге, забыл в дом внести. А на следующий день хватъ-похватъ, а её и нету нигде. Толи покрал кто, толи Велес разобиделся, и прибрал вещьцу...

И вот в то летнее ласковое утречко, ничем не предвещавшее грозные события, что последовали вскоре, Яромильч вышел на крылечко, потягиваясь и зевая. Верная палочка (новая, уже без бородатого лица Вещего Бога) была как всегда при нем. За пазухой, немилосердно холодя старое тело, плескалась полнёхонькая медовухой кожаная пляшка. Одет он был обыкновенно, как и большинство зибуньских мужичков его лет: синие холщовые порты, пусть и латанные, но ещё как новые, чистая, мало-мальски вышитая рубаха да пояс с кистями. Приставив ко лбу мозолистую руку, дед глянул на солнышко, только-только встающее от краезёма¹.

– Да, – протянул про себя, – Чего-то я сегодня совсем уж рано вскочил.

Ночь выдалась какая-то беспокойная, мерещилось что-то из прошлого, из *того случая* с ногой. А когда совсем ото сна проснулся, вдруг ощутил Яромильч, что у него жутко чешется пятка. И не просто пятка, а пятка на отсутствующей ноге! Яромильч недоумевал. Вот ведь хреновина! Никогда ничем о себе пропавшая ноженька не напоминала (Яромильч слышал, что отсечённые руки-ноги порой ноют да зудят, но сам за всю свою одноногую жизнь ни разу такого не переживал и, как полагается, почитал такие рассказы досузей брехнёй), а тут вдруг зачеса-

---

¹ Горизонт.

лась. Да ещё как! Чтобы хоть как-то утихомирить нещадный зуд, он почесал существующую пятку, чем только ещё более раззадорил воображаемую чесотку.

– Ну, что мне теперь, калабашку чесать прикажете? – недоумевал он.

Это было заведомо бессмысленно, но Яромилыч на всякий случай почесал и её. Не просто почесал, а крепко поскреб по деревяшке со всех сторон. Толку никакого. Отсутствующая пятка чесаться и не думала переставать. И вот Яромилыч, крепко стиснув зубы, вышел из дому, намереваясь посидеть на завалинке, не обращая внимания на зуд, в надежде, что этакая досада какое-то время погода пропадет сама по себе. Пляшка с медовухой должна была помочь в этом начинании, а если бы и не помогла, то за второй сходить не долго – всего-то два шага до дома. Время шло, утро помалу разгоралось, пастух погудел рогом, собрал коров и убрел на луга, соседки к колодцу, что стоял через три дома от яромилычева, потянулись. Мужички по делам да по огородам разбрелись, детвора на улицу играть высыпала. Когда тени от домов стали показывать полдень, а пляшек, валявшихся кучкой рядом с завалинкой, насчитывалось уже целых пять, Яромилыч понял, что чесотка не уйдет.

– Хорошо, – решил он. – Попробуем скумекать, от чего этакая закавыка приключилась.

Причин, наверняка, могло быть множество, но ни одна из них в голову не приходила. Яромилыч одна за одной перебирал все мысли подряд, пока, наконец, не вспомнил о приметах. Приметы однозначно толковали зуд в пятках, как предвестие дальней дороги, что в случае Яромилыча было явной ерундой. После *того случая* он зарёкся куда-либо отлучаться из родных Зибуней и посмеялся бы в лицо любому, скажи тот, что идти – причем далеко – все-таки придётся. Впрочем, примета приметой, но говорилось в ней о чесотке в настоящих пятках, а у Яромилыча настоящая-то как раз и не чесалась.

– Это, несомненно, знак, – продолжил размышления дед. – Но вот что он предвещает на самом деле, так это без полпляшки и не разберешься.

Глянув на опорожненные пляшки, Яромилыч устыдился, ибо сегодняшней «пьяный урок» он давно уже перевыполнил.

– Но, с другой стороны, такие знаки тоже бывают не каждый день! – строго заметил Яромилыч неизвестно кому, и отправился добывать необходимые полпляшки.

Долгие размышления, увы, не привели ни к каким выводам. Было совершенно ясно, что своим умом тут не обойтись, и нужно искать того, кто бы мог разгадать примету. Точнее даже не найти, а идти к тому, кто наверняка знает, в чем дело. И не к тому, а к той. К колдунье Любаве. Очень не хотелось бы Яромилычу идти к ней. Видят Боги, тяжело это...

Не все, кто Вятишу молодым помнил, позабыли о нем. Любава-краса, когда Вятиша после возвращения у себя дома отсиживался да горе горевал, частенько мимо его окон прогуливалась, рядом на завалинке сиживала. Раньше-то он мимо её окошек сам ходил, бывало и чарочку выпивал, да все это не всерьез было. Всем Любава хороша, статью вышила, рукодельная, словно с иголкой в руке родилась, а не все гладко. Коса как смола черна, глазища зеленые, как у зверя-кошки и глубокие, как море-окиан. Бабка у нее была колдунья, вот внучка мастерство потихоньку, говорили, и перенимала. Так что, хоть и ходил мимо Вятиша, да большие для виду, а чтоб и впрямь полюбилась – так не сказал бы. Скорее даже боязно было, а ведь и отступить нельзя. Парни-то вон, сотоварищи разлюбозные, то и дело подкалывают:

– К ведьминой внучке клинья побивает! Экий ухарь!

Вернувшись из своего несчастливого похода, Вятиша на окрай города переселился, а она и туда дорожку протоптала. Все уж и без намека понятно.

– Хороша парочка выйдет, – горько усмехался тогда Вятиша. – Ведьмачка да калека одноногая. Да нас же весь город бояться будет!

Бабка, правда, Любаву предупреждала, что ничего у нее не выйдет, и предлагала применить такой приворот, чтоб уж до самой смерти держался, каким она, в своё время, деда её

приворожила. Да только внучка вся в бабушку пошла, не переупрямить – решила по-честному любви добиваться, судьбу чтоб переспорить:

– Или Вятшиа заму́ж позовет, или одна век проживу!

Устал Яромилыч от её хождений, случавшихся чуть ли не через день. И ладно бы ещё возле его дома крутилась, так нет же. Будет он где у соседей печку бить, так и Любава рядом, всё в глаза заглянуть пытается. А в её глаза, ей-ей, лучше не заглядываться, затянет в этот омут зелёный с головой и готов у ведьмы жених. Соседи тоже примечать стали:

– Что это, Яромилыч, ведьмина внучка за тобой как привязанная ходит? Не приворожил ли часом?

В общем, решился Яромилыч на обстоятельный разговор. Вечером за оконце глянул, ну точно, вон она, на завалинке сидит, печальная, худющая, одни только глаза на лице посверкивают. Вышел он во двор, в дом Любаву позвал. Напротив себя за стол усадил, долго с духом собирался, слова подходящие искал, чтоб объяснить, но и не обидеть при том совсем уж жестоко. А как ей скажешь, чтобы шла домой и больше не показывалась, когда она на тебя беспомощно глазница свои таракит, с надеждой и, чёрт её побери, с любовью?! Вот как, а?

Вскочил Яромилыч со скамьи, и Любава вслед за ним, а он того и не замечает вовсе, все с духом собирается, по избе мечется.

– Ты, знаешь, чего, Любава, ты это, ну сама погляди, что получается... – начал было он, найдя наконец хоть какую-то слабую мыслишку от которой можно было оттолкнуться.

Начал говорить да и осекся. Пока он от печи до двери и обратно шагал, скинула Любава с себя рубаху с вершиком, в чем мать родила у постели яромилычевой стала, очи вниз потупила, и косу свою черную распускает прядь за прядью. Яромилычева постель, как у заправского холостяка, никогда застелена не была, и сейчас прямо-таки манила лечь на нее, подмяв нежное женское тело. От наготы Любавиной в избе словно светлее стало, вот ведь и впрямь ведьмина внучка! Взгляд Яромилыча так и прилип к груди её, округлой и вовсе не большой, внутри все затомилось, жаром пыхнуло. И не мудрено ведь, сколько уж времени совсем одишеенок! Хоть и калека, так ведь ногу потерял, а всё остальное при нем.

– Любавушка! – ахнул он, шагая ближе.

В глазах помутнело, дыханье словно украли – ни вдохнуть, ни выдохнуть, стиснуло ребра. А Любава косу дорасплела, чёрный ворох волос по плечам рассыпала и очи подняла. Глянул Яромилыч в зелень глаз и понял – пропал! Как есть пропал! Любавина краса так и зовет.

– Любавушка, что ж ты делаешь-то...

А она сама ближе подступает, зовет голосом нежным:

– Вятшиа, друженька...

Давно уж его Вятшей не кликали. Дружки-закадыки, с которыми с беситанных лет знался – и те всё больше Яромилыч да Яромилыч, словно он им в отцы годился.

Как уж он рубаху скидывал, стеснялся ли калабаики, что заместо ноги, ремнями пристегнула была, как Любаву хватал за бок крутой, ничего этого Яромилыч и помнить не помнил, потому как голову потерял напрочь. Было все удивительно, красиво и нежно. Любава, словно, не колдовским хваткам у бабки своей училась, а древнему искусству любви. А может колдовство это, бабское, и есть умение так вот любить? И взлетая на могучей волне в небесную высь, мнилось Яромилычу, что не зря Любава и любовь – от одного корня. Что Любава, верно, и есть любовь! Тугие пряди смоляных волос, нежно пахнущие хвоей, гладили его плечи, Любавины руки, словно соперничая друг с другом, ласкали Яромилыча, – нет, не Яромилыча, Вятшу! – сама она творила нечто незабываемое, змейкой ластясь по нему, грудь о грудь. Никогда ещё не было ему так хорошо, ни с одной из тех, что были когда-то допрежь, – да полноте, были ли другие? Есть ли? Не было никакого прошлого, и не виделось грядущее, было только здесь и сейчас. И хотелось, чтобы оно длилось вечно. Забыть эту неповторимую ночь было невозможно, но счастье исчезло также скоро, как и явилось...

Когда Яромилыч, полный невыразимой радости, проснулся, уверовав, что отныне начнется у него новая жизнь, рядом в постели никого не было. О присутствии женщины можно было лишь догадываться по витавшему в воздухе чуть слышимому запаху хвои. Он кинулся искать Любаву в её старом доме, в той части Зибуней, где и сам жил раньше. Многие удивлялись, завидев его снова, а бабка Любавы дала от ворот поворот:

– Неча, тебе, парень, тутова шляться. Нет Любавки, и весь сказ. И когда будет – не знаю. Из городу с утра подалась. Не ты ли, хромонога, отшил её? Пришла как не своя, вся качается, и лица на ей нет. А потом узелок собрала, распрощалась, и тикать из дому родного, словно гнал за ней кто. Ты смотри, коли внучку мою заобидел, так я тебе не спущу. Только от нее вестка придет, живо будет тебе сухота с ломотою!

Видя, что зловредная старуха того и гляди так заведется, что и весточки от Любавы ждать не станет, Яромилыч поспешил назад. Случившееся было не понятно ни с какого боку. Что за напасть нашла на Любаву, ведь всё было так хорошо? Не только ему, но и ей, уж это Яромилыч, бывалый прежде сердцеед, видел своими глазами. Они и о будущем поговорить не успели, хотя, чего греха таить, в перерывах между ласками, грезил он о том, как вместе жить будут.

– Вот ведь не поймешь этих баб! – Серчал Яромилыч не знамо на кого, но не на Любаву это точно. – Сначала выются, как будто медом намазано, а потом бегут, как заяц от тени!

Разбередила душу, пробудила тело, заронила надежду, на то, что все отныне будет по-другому. А потом исчезла в один миг.

Он не раз хаживал к Любавиной бабке, выпрашивал её – как там *она*? Та поначалу гоняла докучливого гостя, грозя то обсадить болячками, то обернуть жабой, но потом попривыкла и, хоть подробностей не пересказывала, но стала все ж отвечать, что у внучки всё в порядке. Хотел Яромилыч попросить бабку письмо от него ей переправить, а та лишь усмехнулась и разговор на другое перевела. Дак и кто их знает, этих ведьмачек, может они промеж себя не письмами общаются, а иначе как? Погоревал Яромилыч с полгода-год, а потом и забывать помаленьку стал. Новая рана затянулась поверх старых, он своими делами занялся и недосуг вышло через весь город каждый день туда-сюда мотаться.

Любава вернулась где-то через три года. Не скоро эта весть дошла до Яромилыча. Там кто-то слово обронил, на ярмарке ещё от кого-то услышал. За три года много воды утекло, но когда понял он, что о Любаве речь идет, екнуло сердце памятливого. В тот же день к её двору засобирался. У ворот мялся долго, стесняясь и своего мальчишечьего порыва, и деревянной ноги.

– Ну что я ей скажу? Что, вот мол, прибыл? Прошу любить и жаловать? Так ведь это не я пропал, а она сама. А с порога с расспросами кидаться – ты где все это время была? – так ведь мы не муж с женой, обещанья друг другу не давали.

Додумать все остальное он не успел. Ворота сами отомкнулись и Любава вышла к нему. Яромилыч застыл как вкопанный, не зная, что теперь – кинуться обнимать ненаглядную, или пуститься в пляс, или может закружить её на руках, несмотря на то, что одной ноги как не бывало? И снова Любава опередила его. Она тихонько подошла к нему близко-близко. Все та же, но в чем-то неуловимо переменявшаяся. Подняла на него свои зеленые глазищи, и узрев таящуюся там печаль, понял Яромилыч, – так же ясно понял, как и в *ту* ночь, – что ничего у них больше не будет. Кончилось. Любава нежно прижалась к нему, в душе ещё шевельнулась надежда, что это он, дурак, не так её понял, что все совсем наоборот. Но потом она жарко прильнула к его губам и тотчас отпрянула назад. *Это всё!* – понял Яромилыч. Что же ты? – хотелось кричать ему, бросая ей в лицо обвинения, – Другого нашла себе полюбовничка? Получше? Да? Без деревянной ноги? Но Любава, словно упреляя неосторожные слова, которые, вырвавшись, ранят хуже ножа, упорхнула во двор и ворота за ней затворились. Не пожелала по худому

расстаться, – стало ясно Яромилычу. Делать ему здесь было больше нечего и он, сдержав все рвущиеся наружу злые и ненужные обиды, понуро пошёл домой.

Больше с ней Яромилыч не виделся ни разу, что, конечно, удивительно, ибо Зибуня городок небольшой, все там рано или поздно друг с другом сталкиваются, и тем более, что после того как Любавина бабка отправилась к пращурам, её место заняла сама Любава. Наверное, весь город перебивал у нее, ища лечения от хворей или помощи в разных делах, но только Яромилыч никогда к ней не обращался. Болеть ему не случалось, видать Боги решили, что потерять одну ногу было для него более чем достаточно. А к тем делам, что у него имелись, да заботам, что случались, колдовская подмога не надобна. Точнее говоря, *была* не надобна, а вот теперь, вишь ты, приходилось идти за помощью.

ГЛАВА 2

Яромилыч приложил бы любые усилия, чтобы не ходить к Любаве, или, хотя бы, отложить на как можно дальний срок этот поход к ней, но терпеть нехстати случившуюся чесотку было свыше человеческих сил. Сердечная рана, конечно, за эти годы затянулась, но всё же, иной раз там, под рубцом, порой сильно ныло. Какое-то чувство потери мучило, когда случалось вспоминать годы минувшие. *Ведь вся жизнь могла сложиться по-иному...*

– Эх, Любава, Любава! – Бормотал Яромилыч, запирая калитку на крючок. – Какая ты стала нынче-то?

Воображение рисовало настоящую Бабу-Ягу, с единственным (и кривым при этом) клыком во рту, щедрой россыпью бородавок на носу и подбородке, и обязательно нечесаной седой прядью, выбившейся из-под грязного засалившегося платка. Примерно так выглядела Любава бабка, а яблоко от яблоньки, как известно, недалеко падает.

– Ничего! – Успокаивал себя старик, с тревогой ощущая, что сердце стало колотиться сильнее, причем вовсе не от предвкушения встречи после долгой разлуки. – Ничего! Чай не съест.

Было уже за полночь или около того, когда ноги сами вывели его знакомым путем к забору, подле которого они – сколько уж лет назад! – распрощались так странно.

– Ничуть не удивлюсь, если она стоит за забором и поджидает, – невесело усмехнулся Яромилыч, замедляя шаг.

За забором его никто не поджидал, но при его приближении ворота сами распахнулись навстречу, протяжно скрипнув несмазанными петлями. Яромилыч только сейчас до конца осознал, куда его черти понесли на ночь глядя! И ведь на улице ни души, а окна у соседей ставнями закрыты. И при себе ни чеснока, ни серебряной иголки, ничегошеньки нет, чтобы от ведьмы отпереться-оберечься, коли нужда настанет! Дед вдохнул побольше воздуха, прошептал под нос славение к Велесу, защищающему малых и старых, что в неразумии своем малым уподобляются, зажмурился и шагнул. Ничего не случилось ни сразу, ни несколько погодя. В слюдяном окошке мерцал огонек лучины, вокруг дома всё тихо. Пока Яромилыч мялся во дворе, ворота позади него резко захлопнулись, лязгнул закрывающийся запор и в заключение двинулся в пазы засов. Путь к отступлению, как нетрудно догадаться, был отрезан. Вот ведь, ведьмаческие шуточки!

– Ладно, сказал «аз», говори и «буки», – подбодрил себя дед. – Авось, прорвемся!

Дверь в дом была чуть приоткрыта. «Постучаться, что ли?» – замешкался Яромилыч, но потом просто потянул дверное кольцо и вошел.

Через темные сенцы в избу, а там, – Боги святы и Небесная Корова Земун! – вот уж и впрямь, чудны дела твои, Род-Батюшка. Как выглядит жилище любого приличного колдуна или ведьмы, это представляет себе, наверное, каждый. Хоть прямо сейчас на улице поймай кого и спроси от том, – так он, бывал там или нет, с ходу перечислит, что по стенам, потолку, притолокам и печи, развешены связки сушеных жаб и летучих мышей, пучки вонючих таинственных трав, в печи на огне котел кипит с жутковатым варевом, в углу говорящий кот чёрного окрасу сидит и человеческими глазами смотрит, а ещё... Ну, так в том-то и дело, что изба Любавы от обычного жилья ничем совершенно не отличалась. Ни оскалившихся черепов на полках, ни зловещих теней в углах, ни страхолюдных пауков под лавками, ни чучела диковинного зверя каркодила. Все чистенько убрано, половички на полах, рушнички на стенах. Да по сравнению с её избой, хата самого Яромилыча на жилье колдуна смахивает куда больше!

Одно только диво – хозяйки нигде не видать! На миг было представилось Яромилычу, что вот сейчас две мягкие ладони прикроют ему глаза, и он заулыбается против воли. Ибо вспомнит их, и запах все тот же вспомнит – хвои свежей. Неужто помнишь? – удивится Любава

(а это окажется, конечно же, она, кто ж ещё!?). А он, вместо ответа, разведет её руки, обернется и обнимет. Пусть не та Любава окажется перед ним, не молодка, которой запомнил навек, а милая старушка, лукаво щурящаяся из цветастого платка, прежнюю Любаву напоминая разве лишь цветом зеленых глаз да ещё чертами лица. Пусть так, но все же это будет она. Снова *она!*

Миг прошел, ничего не случилось, и Яромилыч открыл глаза, закрытые было в ожидании. Происходящее всё больше напоминало какой-то вязкий муторный сон. Что-то было определенно не так! Не к такому приему он готовился. Старик снова осмотрелся. Так, что тут у нас? Половики. Полы выскоблены набело. В красном углу божница, под ней большой стол, поверх стола скатерть льняная, ни пятнышка. Две крепкие лавки. Лоскутное одеяло и взбитые подушки на постели – большие, а поверх маленькие. На окошках завески расшитые. Печка. Печку Яромилыч потрогал. Холодная, пищу сегодня в ней вообще, похоже, не готовили. И вид у печи такой, словно сложили её совсем недавно. Он заглянул в устье, потянул носом. Пальцем даже проводить не надо – копоти ни следа! Ну, как есть новая! Горшки, глиняные мисы и кружки, на полочке у печи, тоже такие, словно вчера у горшечника куплены. Что за чёрт тут творится? Да будь Любава хоть трижды чистюлею, но не могла бы она в такой чистоте печь и посуду содержать!

Но, если не считать этого, всё, вроде, на своих местах. Яромилыч собрался с мыслями. Так, ещё раз. Половики. Полы выскоблены. Стол, на нем скатерть и кусок обгорелой бересты... Так, погоди-ка! Какой бересты? Не было на скатерти ничего! Яромилыч мог хоть Сварожьим молотом поклясться, что пока он смотрел на половики и пол, скатерть была пустая. Но, *перед тем*, как он глянул на стол, в какой-то кратчайший миг береста появилась. И, что самое удивительное, именно кусок бересты никак не вязался со всей этой чистенькой, уютной хатой. Не отсюда он был. Никак не подходила его обгорелая хрупкая кромка ко скатерти, что была белее лебяжьего пуха. Сильно давила неестественная тишина, царившая в доме, и ещё, словно предвестник какой-то опасности, зуд в отсутствующей ноге усилился. *Происходило, что-то очень странное!*

Яромилыч хоть зрением уже похвастать не мог, но и отсюда, от печи, видел, что на бересте что-то написано. Не раздумывая больше, он быстро шагнул к столу и схватил берестяную записку. «*Вятша! Друженька!*» – начиналась она. У Яромилыча сразу потеплело на сердце. Кто же кроме Любавы мог бы написать эти строки? От нее береста-то, от нее! Ещё раз пробежав глазами коротенькое вступление, он принялся за основную часть послания. Дальше шли слова, смысл которых до Яромилыча никак не доходил. Было тревожно, и от волнения строки прыгали перед глазами. «*Вятша! Друженька! Верь мне! То, что ты сейчас видишь вокруг себя – наваждение! Ни к чему не прикасайся и ничего не трогай! Сейчас я не могу объяснить тебе, что происходит. Сразу же, как только прочтешь мою записку, беги оттуда. Я буду встречать возле кривой берёзы. Ты должен помнить её. И не медли. Жду тебя.*»

Яромилыч недоуменно тряхнул головой. Что это? Розыгрыш? Не очень-то похоже! Но, все равно, что значит «беги», «кривая берёза»? Пока он размышлял, берестяной клочок в его руках затлел. Язычок огня быстро схватился по сухому, и через считанные мгновенья лизнул деда за пальцы. Яромилыч ойкнул и уронил горящие остатки бересты на пол. Ему показалось, или пол и впрямь пошёл морщинами в том месте, где его прижег огонь, перед тем как потухнуть? Вот снова пошла длинная морщина! Ещё! Яромилыч в испуге отшатнулся. Пол, точно почувствовав ожог, начал мелко дрожать. На месте, где лежали почерневшие хлопья бересты, вдруг запузырилась, словно сало на сковородке, треснула и расплзлась какая-то плёнка, под которой уже не было дощатого пола.

И тут лавиной навалились звуки! В воздухе гудело, глухой рокот накатывался вязкими волнами. Боги святы, да что ж это такое детсяя? Дед поискал глазами божницу, где у всех стоят домашние Боги. Вместо нее в красном углу мигал огромный чёрный глаз с синеватыми прожилками. Смотрел на деда пристально, страшно, словно стараясь заворожить. Не в силах

отвести от него взгляда, Яромилыч пятился спиной к печи, пока не уткнулся в нее. Вместо холодного камня, спина внезапно ощутила что-то живое, звериное, трясущееся от напряжения. Обернуться он не успел. Пол, или точнее то, что притворялось полом, вздыбился под ногами горбом, и горб, точно морская волна, понес его туда, где раньше он видел постель. Но не было постели. Какая-то жуткая пасть оскалилась оттуда, щерясь острыми, как ножи клыками и шевеля в глубине языком, все ещё похожим на лоскутное одеяло. Смердное звериное дыхание парком вырывалось из нее, чуть не сбивая деда с ног.

В молодые годы Яромилыч запросто выделявал коленца «топотухи», сигал в чехарду через головы стоящих товарищей, толкался с завязанными глазами, стоя на обледенелом бревне, закрепленном выше плеч взрослого человека – и случалось оттуда падать! Ушло давно то времечко, когда спина была гибкой, а движения резкими и точными, но сейчас, перед лицом смертельной опасности, старые навыки вдруг ожили в дряхлом теле. Яромилыч, улучив миг, уперся палкой в низ катящегося горба, навалился на нее обеими руками и кувыркнулся через себя вбок, стараясь уйти от страшного оскала. Голова закружилась! Нет, не голова! Это мир разом крутанулся над нею! Здоровая нога вместе с деревянной калабашкой прочертили в воздухе почти ровную дугу. Пасть цапнула воздух, не достав до старика каких-то пол-локтя, клыки чавкнули, столкнувшись друг с другом и Яромилыча оросило слюной чудища. Приземление на ноги получилось не совсем удачным, соседний горб поднимался как раз навстречу и дед сильно зашиб ступню, а деревянная культя как будто треснула. Яромилычу просто некогда было осознавать происходящее. Случись ему совершить такой прыжок прежде – да не смог бы, не смог! – сердце, наверное, колотилось бы как зверь в тесной клетке, требуя немедленной свободы. Но сейчас всё внимание поглотило собственное спасение – тело хотело жить и спасало самое себя, пусть старое, пусть калеченное, но живое!

Новый горб, шершавый, с зеленовато-черным отливом, на который ступил дед, тоже спешил к пасти, ниспадая возле нее. Снова упор палкой и кувырок. И ещё один! Яромилыч огляделся, качаясь и пытаясь сосредоточить взгляд – то, где или *в чём* он находился, теперь уже нисколько не напоминало прежнюю чистенькую избу. Стены клубились маревом, сохраняя какое-то подобие окон. Мирные домашние вещи на глазах теряли свой облик, превращаясь во что-то невообразимое, что только в дурном сне пригрезится: стол выпустил из-под жестких закрылков столешницы множество черных мохнатых ног и пытался уползти, лавки оплыли как свечи, потеряли цвет и мелко, студнеподобно тряслись, стенные полки неспешно стекали вниз грязными кляксами, пошевеливая короткими рожками, наподобие улиток, бывшая божница пучила своё бешеное око. Откуда-то доносился шелест и скрежет, точно из ларца, полного сороконожек со стальными когтями, что-то хлопало, чавкало, посвистывало и ухало, будто нечто, не имеющее образа, шагало по болоту, заставляя трясину исторгать пузыри дурного воздуха. В воздухе повис густой смрад, точно в могиле чудовища, гниющего не одно тысячелетие...

Каким-то невероятным образом пространство внутри избы стало больше. В свои три прыжка через голову Яромилыч давно бы уже вылетел в сенцы, а тут – едва ли сильно удалился от пасти, рычащей и клацающей зубами, которых явно становилось всё больше. С потолка, – если это шевелящееся марево спутанных теней можно было назвать потолком, – вдруг свесилось что-то длинное, вроде червя, с шипящим зевом. Дед, желая ударить, оттолкнуть эту мерзость, двинул по червя палкой, но тварь оказалась куда проворнее. Она перехватила палку поперек и принялась терзать её, норовя вырвать из рук. Яромилыч тщетно пытался отнять палку, держась за оба конца её, в опасной близости к страшной морде. Всегда выручала, а тут уж без нее точно пропаду! – осознал он, словно молния поразила. Червь потянул добычу к себе наверх, а горб под ногами у деда уверенно катился навстречу пасти, и Яромилыч решился! Он повис на палке всем весом, оттолкнулся ногами и полетел. Червя вытянуло из верха на пядь, он истошно зашипел, но продолжал сжимать в зубах древко, пока старик пролетал над дёргаю-

щимися горбами. Всё ближе и ближе к окнам, точнее, к тому, месту, где их очертания ещё угадывались, помалу задымляемые стенами. Тут червь не выдержал. Голова гадины с противным чмоком оторвалась, тулово утянуло назад, а Яромилыч упал туда, где недавно стоял стол, или чем там была эта тварь? Падал так, как обучали ещё в детстве, с кувырком, чтобы не отбить себе ничего. «Главное сохранить палку!» – билась мысль. Голова червя, намертво сцепившая зубы, так и торчала посередь её, древесина в месте укуса почернела, словно обугленная.

Яромилыч спешно поднялся. Окна на стене стали почти неразличимы и что-то подсказывало, что если они исчезнут совсем, то ему отсюда уже не выйти. Где-то за спиной тупо клацали челюсти чудовища. Он шагнул ближе к стене, под ногами что-то негодуяще чавкнуло и потекло. Матьер Лада! Деревянной ногой Яромилыч вступил в то, что прежде казалось лавкой, в её оплывший студенистый остов, и оно не желало отдавать ногу назад. В прозрачной клейкой массе под пленкой пошли какие-то розоватые разводы, к деревяшке потянулись робкие черные отростки.

– А ну, пусти, гадючье отродье! – возопил Яромилыч.

Не думая, что он делает, дед выудил из-за пояса огниво с кремнем, сыпанул прямо на студень вокруг ноги щедрую горсть трухи из кисета и чиркнул железом по камешку. Студень истошно закричал, загоревшись сразу весь. Запахло горячим скипидаром и чем-то мерзким, напоминающим вонь многоножек-кивсяков. Однако раздумывать над природой вони было недосуг. Старик быстро стряхнул его остатки с деревянной ноги, пока та не загорелась вместе с ним, и потянулся к окну.

А не было никакого окна! Пока ногу вызволял, стена перед ним стала глухой, да к тому же не бревенчатой, а из плотной клубящейся дымки таких цветов, которые бывают на закате, багрово-сизой, с прожилками чёрного. Не было отсюда выхода. Не было надежды.

– Врешь! Нет такого права у тебя, чтобы живых людей жрать!

Яромилыч вдарил по стене палкой уже просто от отчаяния, не надеясь ни на что. Но верная палка выручила и на этот раз. Она проделала в мареве стены длинную прореху, чуть наискось, не встречая препятствия. Мертвая голова червя, вцепившаяся в палку, попав в соприкосновение со стеной, на миг ожила, сильнее сжала челюсти, но, тут же, обессилев, сникла и упала Яромилычу под ноги. Дед коснулся прорехи – она оказалась вполне осязаемой – потянул за край, потом сильнее, и та поддалась, широко распахнув свой сырой зев. Сквозь дыру в стене была видна часть двора и звездное небо, налетел прохладный ветерок, отгоняя смрад, царивший в этом жутком месте. Старик перехватил палочку поудобнее, и полез в дыру головой вперед. Получившийся кувырок был из тех, что усваивались едва ли не каждым пареньком с младых ногтей. Голову под плечо и боком прокатиться вперед. Так и кости не зашибешь, и внутренности целей будут.

Боги святы! Как же приятно вновь на воздухе оказаться! Правда, стоило лишь непосредственной опасности отступить, как тут же снова напомнил о себе зуд в отсутствующей ноге.

Яромилыч сначала ползком, потом на четвереньках поспешил от страшного дома подальше, и лишь после, когда головой уткнулся в забор, осмелился оглянуться. Снаружи изба осталась такой же, как и была: низкие стены, соломенная крыша, вместо спасительной прорехи в стене – распахнутые ставни окна. «Это я, значит, через окно выкатился, – сообразил Яромилыч. – А то всё вроде как морок был. Примерещилось»... Вот только проверять, действительно ли недавнее жуткое и мерзкое беснование ему примерещилось, у деда не было никакого желания. Он не стал и пытаться отворять ворота, а, пользуясь внезапно прибывшими силами и сноровкой, полез по поперечным жердям прямо поверх забора.

Окна Любавиной избы светились трепетным красным светом – внутри разгорался пожар. Но Яромилыч этого не видел.

ГЛАВА 3

Яромилыч спешил по ночному городу, то цокая деревяшкой по бревенчатой мостовой, то утопая по щиколотку в грязи закоулков. Он торопился туда, где Любава обещала ждать его – к Кривой Берёзе, что росла недалече от города, подле небольшой речушки, или, скорее уж, ручья. Стародавнее предание сказывало, что жила некогда краса ненаглядная – Весёла, отец хотел отдать её за нелюбого, и она, сердца своего усмирить не сумев, пошла в березовую рощу и удавилась там на своем же поясе. Дерево, от тяжкого груза её горя, изогнулось посреди и стало расти с той поры кривым. Роща давно уже исчезла с лица земли, а Кривая Береза, вся в потрескавшейся коре на необхватном кряжистом стволе, продолжала жить, словно всем в напоминание.

Во времена молодости Яромилыча, у той березы по летней поре завсегда проходили гулянья парней с девками. Подружки сидели, бывало, человек по пять, на изгибе дерева, что приходился им где-то на уровне плечей, остальные, которым места не досталось, усаживались у корня, а парни красовались перед ними, затевая потешные стычки, распевая песни, играя в мяч или в чехарду. Здесь же частенько и вечерали принесенной из дома снедью.

Давненько это было. Ныне у городских парней и девчат появились новые места для гуляний всем скопом, и о березе забыли. Помнили о ней, должно быть, одни только старики. Не случайно, видать, Любава на такое место позвала его, о котором не каждый знает.

Яромилыч беспрепятственно вышел из города. Ворота на ночь запирались – даром что от начала времён никакой враг не приступал к Зибуням. А в привратных башенках круглые сутки стояла стража, и горожанину, который среди ночи куда-то устремился, задали бы немало вопросов, а в конце посоветовали бы дожидаться утра. Но неподалёку от ворот в укромном месте в городье имелся потайной лаз, ведомый молодым ухарям, которых тянет на приключения. Яромилыч решил, что пришло время вспомнить молодость.

Однако, оказавшись за городским тыном, он не пошёл напрямки к приметной берёзе, а дал крюка к воротам. Дело в том, что перед въездом в город, на дорожной обочине стояло невысокое дубовое изваяние, всё потемневшее от времени и от дождей, изображавшее косматого старца с разлапистой бородой. То был Чур – хранитель границ, договоров и путников в дороге. Приезжая в Зибуня или, наоборот, уезжая из них, люди завсегда, даже если спешили, останавливались подле деревянного старца, кланялись и делали малые подношения зерном или мелкой монетой, благодаря за удачный путь или испрашивая его для себя. Яромилыч дрожащей рукой положил к подножью чура медную копейку и развел руками:

– Извини, Чур-батюшка! Нету с собой больше. Если ты за такую малость не в обиде, то будь добр, удержи эту нечистую силищу, коли она за мной следом потянется!

А исполнив обряд, пошёл по дороге, чтобы через сотню шагов свернуть на малозаметную полевую стёжку. Идти предстояло через поле версты² две, по туману, зависшему на уровне колен. Давно уже не выпадало Яромилычу такой тяжёлой дороги, и дело было не только в том, что отвык он от дальних путешествий. Жутко было идти одному в тишине и темени. Когда над ним пропархивала ночная пичуга, он трепетал всем телом, вжимая голову в плечи. В тёмных пятнах придорожных кустов мерещились сжавшиеся перед прыжком чудовища, слышались бестелесные шаги за спиной и чьё-то смрадное, холодное, хищное дыхание над самым ухом. Всё ещё до конца не верилось, что ему удалось выкарабкаться из чрева взбесившейся избы.

На небе ровно сияли звезды под предводительством месяца, освещая деду его нелёгкий путь. Смутной грудой вдали показалась береза. Казалось, что за минувшие годы она стала ещё больше, или это обманывался глаз из-за расстояния и тумана? Подойдя ближе, Яромилыч

---

² Верста = 1,066 км.

увидел, наконец, возле березы человека, зябко кутающегося в плащ. Увидел и сразу же позабыл про все свои страхи.

– Вятша, ты? – окликнула она его.

– Я, Любава, я! – Яромилыч заторопился к ней навстречу, едва не упал, но вовремя подперся палочкой.

Месяц осветил её лицо, и он невольно остановился. Ему этой весной стукнуло шестьдесят два, с Любавой они были ровесники, но женщине, стоявшей перед ним, было едва ли сорок. Она была немногим ниже Яромилыча ростом, держалась стройно, сцепив руки на груди. Кожаный ремешок на челе не давал растрепаться на легком ветру длинным, едва ли не до пояса, волосам, таким же черным, как и годы назад. Заметив его растерянность, Любава поправила чуть выбившуюся прядь, и устало улыбнулась.

– Что, не так выгляжу?

Яромилыч, вглядываясь в черты её лица, отмечал несомненное сходство с той Любавой, образ которой хранил в сердце все эти годы. Но возраст!

– Мы, ведьмы, умеем сохранять молодость. Бабка моя первым делом передала мне это знание, а только уж потом к волшебю приучать стала.

Яромилыч вздохнул. Не такой получилась встреча у них, как ему виделось. Здесь на старом гульбищном месте, он надеялся, что увидит свою милую старушку, ласково прижмет её, они поговорят... Да где там! Он-то старик, да она отнюдь ещё не бабка. Вот и поговорили... Дед печально ухватился одной рукой за бороду, а другой стал тереть плешь во всю голову, с клочками седых волос по краям.

Любава озорно улыбнулась.

– Ах, вон из-за чего ты запечалился!? Ну, Вятша, друженька! Перестань! – Она подошла к нему совсем близко, обняла и нежно прижалась к плечу. – Ты для меня всё тот же Вятша, к которому я тогда пришла сама. Всё такой же молодой, красивый и сильный. Только такой, и никакие годы не смогут этого изменить! Слышишь?

Глаза у Яромилыча стало пощипывать от избытка чувств и он, чтобы не выдать себя голосом, только закивал согласно головой, обнимая Любаву, глядя её по спине своими шершавыми ладонями, вдыхая запах её волос. Неужто всё тот же дух свежей хвои? Он потянул носом ещё и ещё, не в силах оторваться. Ох, благодать-то какая!

– Что, помнишь ещё? – засмеялась Любава своим особенным, грудным голосом.

Яромилыч прочистил горло, чтобы оно не подвело его, не задрожало:

– Как же я мог бы забыть такое? Всю жизнь хранил в себе, все малости до единой запомнил, часами вспоминал... – тут голос его все же дрогнул, дал слабинку и дед умолк.

Не давая повиснуть неловкому молчанию, Любава шутливо пихнула его локтем в бок:

– Ишь какой! А когда девушка сама набивалась, перед ним кругами выхаживала, так он нос воротил!

– Так дурной был! Не знал, от чего воротил-то!

– Оно и видно было, что дурной! – Любава немного отстранилась от Яромилыча, – А теперь, смотри-ка, сам пришел!

– Так ведь позвала!

– Тоже верно, но ведь ко мне в избу-то сам дорожку протоптал.

– Твоя правда, – согласился Яромилыч, внутренне содрогнувшись, въяве припомнив, во что превратилась постель в той избе.

Любава отошла в сторонку, прислонилась спиной к березе:

– Ну, вот о том давай и поговорим. На воркование времени почти не осталось, на пятки тебе наступают, Вятша. Прямо на пятки!

Яромилыч невесело усмехнулся:

– Да не на пятки, Любаша! На одну только, на ту, которой нет! Зудит треклятая, хотя и без малого полсотни лет как оттяпана! Ведь потому к тебе на поклон и подался, что чуть на стену уже не полез от чесотки этой. Разумею, что знак какой-то, а понять его не могу. И избавиться не знаю как!

Любава с каким-то особым прищуром глянула на дедову деревянную ногу, и даже не на нее, а как будто *сквозь*. Потом сморгнула и посмотрела уже обычно.

– Да, тут ты прав. Знак это. Чутье твое предупредить пытается, что охота за тобой началась. Ну, дак чего. Можно, наверное, тебя от чесотки теперь избавиться, ты ж теперь предупрежден. Смотри за моей рукой.

Одна поставила правую ладонь против его глаз и стала поваживать ею. Яромилыч честно старался следить за движениями, но вскоре утомился, ощущая, что глаза закрываются сами собой. «Я не сплю, – говорил он сам себе. – Я просто не в силах спать, после всего случившегося. Я...»

– Вятша, не спи! – резко прозвучало над ухом.

Дед дернулся всем телом и, даже, кажется, всхрипнул. Оказалось, что он всё ж таки умудрился задремать прямо на ногах, словно конь в стойле. Яромилыч встрепенулся, повел плечми, и только тут до него дошло, что зуд пропал совершенно! «Не чешется!» – хотел было заорать он во все горло, но холодный палец Любавы спешно лег ему на уста.

– Тише!

– Хорошо! – прошептал Яромилыч, – Я ведь тебе не рассказал, что там у тебя в избе твориться. Представляешь, пол у тебя кочками пошел, вздыбился весь, как живой, а постель обернулась...

– Вятша, – перебила она скороговорку деда, – я попросила не кричать громко, а ты совсем уж на шепот перешел.

– А, ладно. – Яромилыч снова заговорил обычным голосом, – Постель, говорю, превратилась в какую-то жуткую пасть, стол обзавелся дюжиной новых ног и принялся бегать, а лавки...

Даже при лунном свете было заметно, как побледнела ведьма.

– Значит, *оживление* всё же случилось, когда ты был там!

– Я ничего не трогал, как ты и написала, – спешно заверил её дед. – Ну, кроме самой записки. Но когда береста загорелась, то я обронил её на пол и тут всё началось! И вообще, что это было? Какое ещё *оживление*?

– Кто-то наложил на мой дом заклятье, когда все вещи перестают быть тем, чем являются, а становятся чем-то иным, как бы живым. Но у них нет души, а значит, нет и желаний, и они бездумно исполняют волю того, кто совершил *оживлением* – так называется это колдовство. Очень могучее старое заклятье. Чтобы уничтожить его, требуется не только знать, как оно было сотворено, но ещё и обладать просто невероятной силой. Я знаю тех, кому по силам наложить такое проклятье на вещь, но не знаю никого, кто смог бы его снять. Я бы не смогла, это точно. Сгорела бы. Да и то, это с одной только вещицей какой-нибудь, а тут – весь дом сразу! Кому по силам такое?!

– Мне другое непонятно, – молвил дед, – зачем в твоём жилище этакое безобразие устраивать было, коли куда проще тоже самое в моём доме сделать? Мне и идти бы никуда не пришлось. Ночью бы сцапали и всех делов!

– Это как раз не загадка вовсе. Я уже думала над этим, – вздохнула ведьма. – Дом-то не простой у меня был, а ведьмачий. Прапрабабка моя ещё в нём ворожила, потом бабушка всю жизнь колдовством промышляла, да ещё и я немало лет. Так что всякого избушка повидала, колдовской силой там даже стены пропитались. Вот и вышло боком... Сила на силу отозвалась, да колдовство на колдовство наложилось. Проще простого... Всяких оберегов в доме полным полно было – от порчи, от лихого да от завистливо глаза, от мора идучего да напущенного, от морока, даже от воров – хотя какой дурень к ведьме красть полезет? – от всего, в общем.

Вот только против оживления ничего не имелось, потому как прежде не слыхано было, чтоб целыми домами оживляли!

– Все равно, это ж мороки сколько – дом оживить со всем, что в нем есть! – Яромилыч продолжал недоумевать. – Одну вещь заколдовали бы, какая позлей да поопасней, и довольно.

– А кто ж его знает, какая опасней? Ведь и на тебя, наверное, не все в доме набросились. – Старик согласно кивнул головой. – Выходит, что всю избу сразу оживить надежней будет. Что-нибудь да и кинулось зверем... Да и то, на тебя и избы мало оказалось! Ведь смог спастись-то!

– Тоже верно! – довольно кивнул Яромилыч.

– Представляешь, Вятша, я почувствовала, что изба словно превратилась в чудовище, поджидающее свою добычу. Как будто зверем стала каким-то! Стоит тронуть внутри хоть что-нибудь, и этот зверь оживёт, перестанет прикидываться вещами и набросится. Когда *это* случилось, я была снаружи, вышла да тотчас обратно собиралась зайти... И тут почуяла! Мой дом уже мне не принадлежит, и я не могу зайти внутрь. Не хочу даже! И куда бедной ведьме было податься? Помощи моей, когда кому надо, всяк ищет, матушкой родной зовет, но чтоб в гости принять, так ни одна живая душа не согласна. Как же – ведьма! Вот и пришлось из городу пойти прочь. Думала, в лесу поживу пока, нам, ведьмам, он как дом родной, а заодно решила погадать – там по пути перекрёсток трех дорог имеется, самое доброе место для ворожбы. Умом-то пораскинула и понятно стало, что всё это проделано не ради меня, – меня можно было бы поймать как раз тогда, когда я была в доме, – а против кого-то ещё, кто вскоре должен был бы ко мне пожаловать. Так что погадала я, поворожила немного, и с удивлением узнала, что ожидать следует тебя. – Она перевела дух. – Всегда знала, что мы снова встретимся, хотя предположить *такое* мне бы и в голову не пришло!

Она смущённо примолкла, переглянувшись с зардевшимся Яромилычем.

– Хотела поспешить к тебе домой, или по пути перехватить, да времени на то, как оказалось, не было уж – ты вот-вот ко мне в избу пожаловать должен был. Тогда я и наколдовала так, чтобы моя записка появилась, когда ты зайдешь в дом, но не сразу, а немного позже. Так, чтобы ты её появление заметил да подобрал. Не знала только, где лучше встретиться, и решила, пусть будет у Кривой Березы. От перекрестка до нее рукой подать было, да и место тебе знакомое. А на бересту слово огневое сказала, чтобы сгорела она, когда ты её прочитаешь. Это для того, что бы никто не выведал про наши планы. Ты уж прости, не сообразила, что огонь *ту тварь* разозлит, и она сама на тебя кинется...

Яромилыч слушал и кивал. Что ж, тут все понятно. Но кто наступает ему на пятки? Зачем на него объявили охоту? Кто, всё-таки, затеял это хреново оживление? Именно это он и спросил у ведьмы. Любава не знала.

– Видишь ли, Вятша, я ведьма, а не ясновидящая. Так глубоко на бобах мне угадать никак невозможно. Но ворожить – ворожила, и то, что узнать смогла, расскажу.

– Кому и зачем ты сдался – ведать не ведаю, но только впутался ты, Вятша во что-то страшное, где силы замешаны очень могучие. О том несложно догадаться, если принять в расчет хотя бы заклятие, чтобы мой дом превратился в ловушку.

Яромилыч возмущено фыркнул:

– Да ни во что я не вляпывался! Жил себе, никого не трогал!

– Ну, раз не сам ты в это влез, значит, так обстоятельства сложились. Чую, затевается что-то такое, что всему миру жарко может стать! И начало здесь, у нас... Дом мой, что ожил да тебя пожрать хотел, это только первая ласточка, потом, как видится мне, будет много других бед на твою головушку. Какие они будут, как и когда – одни лишь Боги ведают! Знаю ещё одно – надо тебе лестниц приставных стеречься. На бобах когда ворожила, выходило, что лестница тебе – опасный знак. Вот. А другие напасти, кто ж их сосчитать может... – Она задумалась. – Зуд у тебя ведь не случайно появился, думаю, что и дальше, когда опасность грозить будет,

снова чесаться начнет. Ты к этой примете прислушивайся. Ну, а я тебе не только советом, но ещё и делом помогу. На-ка вот.

Она стянула через голову что-то, висящее на кожаном шнуре. В лунном свете вещица блеснула одним боком. Оберега из зеленоватого стекла. Пойдите-ка! Старик уже открыл, было, рот, чтобы спросить, но Любава, вешая шнурок ему на шею, кивнула головой:

– Да, да. Бабкина обережка. Мне её отдала перед кончиной, сказала, что ценнее у нее всё равно ничего нет. Так-то она сама по себе ничем не помогает, но бабуля говорила, что сработает она лишь один раз – когда беда нагрянет такая, что до гибели останется лишь миг. Вот в этот миг и надо успеть расколоть стекло о твердое, тут оберег себя и покажет.

– Эх, мне бы его надясь! – проворчал Яромилыч. – В доме-то у тебя я как раз был на волосок от смерти!

– Нет, Вятша, коли сумел сам от такой лихоманки отпереться, то, значит, оберег для другого понадобится. Для *настоящей* беды! Ладно, дальше слушай. Что будет впереди, не знаю, не ведаю, однако же знаю другое – надлежит тебе поспешить в Синебугорск. Всё на него указывает. Там всё разрешиться должно... Но что да как? – не знаю того. Пospешить же тебе нужно немедленно, уже сегодня, если не прямо сейчас.

– Ну, что ж за спешка такая? – Удивился Яромилыч. – Не могу ж я прямо вот так идти, бросив дом, не попрощавшись ни с кем. Ну и потом... – он призадумался, решая, сказать или нет – и решил, что смолчит даже сейчас, – ты ведь знаешь, после *того* случая, ну, с ногой, я как-то вообще зарёкся из Зибуней куда-либо выбираться.

– Сейчас такое время настало, когда твои старые зарюки больше не действуют, – не согласилась Любава. – Либо ты, либо тебя.

– И обязательно в этот Семи... тьфу ты, чёрт!.. в Синебугорск шкандыбать? Неужели поближе места не нашлось! – продолжал сетовать Яромилыч. – Я ведь когда странствовал, так даже издали столяного города не видал! Это ж вообще за тридевять земель от нас.

– Знаки говорят, что путь твой – туда.

– Хорошо, туда, значит туда. Но все же надо бы домой воротиться, в путь собраться, всё подготовить. Чай не на один день ухажу! Сказать соседям, чтоб за избой присматривали. Ну, ещё в храм загляну, Велесу-Батюшке поклонюсь перед дорожкой. Ведь, может, и не ворочусь уже назад, так хоть попрощаюсь.

Ведьма метнула себе под ноги пригоршню бобов, присела и стала разглядывать, что выпало.

– Ну, что ж, тоже верно... – согласилась он. – Вижу, что есть малость времени, можно и домой заскочить. А в храм заходить даже не думай! Придёт время – войдёшь в истинный храм Велеса. И запомни – с собой из дому возьми только три вещи, в которых ты больше всего нуждаться будешь. Только три, не больше! И постарайся управиться со всем как можно быстрее.

Старик согласно кивал головой, удивляясь самому себе, как он вообще согласился на такое?! Это он-то, дед с одной ногой, зарекшийся до конца жизни покидать стены родного города?! Да-а, видать и впрямь последние времена приходят...

– Хорошо, Любавушка. Как ты сказала, так всё и сделаю. Доберусь до этого Синебугорска, все там разузнаю. Разберусь, а потом сразу назад. Ведь, не поговорили ж мы совсем. *Про нас-то...*

Любава понурила голову, гордые плечи поникли.

– Ты, Вятша, главное вернись целый, здоровый. Я тебя ждать буду...

Яромилыч спохватился:

– Ага, ждать! Где ждать-то будешь? У тебя ж в избе страшилище завелось! Может в мой домишко переберешься пока?

– Нет, в твою, Вятшенька, хату не пойду я. Сам меня туда введешь, когда назад воротишься. По обычаю. Если не передумаешь... А я пока схоронюсь, благо, ведьме всегда местечко, укромное от глаза людского, где-нибудь да и найдется. В лесу поживу. Буду оттуда за тобой пытаться присматривать. Если смогу, так может и уберегу от чего.

– В каком лесу, Любаша?! Вокруг Зибуней в лесах лихие люди орудуют ватагами, главный у них там этот, как же... Богдашка Лесовик.

– Лихие люди, они ж всё-таки люди, и им помощь ведьмы надобна. Не тронут, наоборот, сами на поклон придут, когда заболит что. Ну, всё, будя время тянуть, себя терзать. Долгие проводы – многие слезы. Чем скорее распростимся, тем скорее вновь повстречаемся. Всё, обними напоследок и иди.

Она кинулась Яромилычу на грудь, пряча набежавшие слезы. Рубаха старика немедля промокла, он и сам с трудом удерживался от слез, к горлу подкатил тугой ком, сердце заныло. Отчего ж так в жизни всё кубарем? Почему, если и встретишь свою прежнюю любовь, то лишь для того, чтобы тотчас же расстаться? Нешто лёгкая у него жизнь доселе была, что новые испытания навалились?

Любава никак не унималась, и Яромилыч решил всё же показать себя мужчиной. Он последний раз покрепче обнял её, поцеловал в макушку и отстранил от себя.

– Всё, Любавушка, теперь и впрямь пойду...

Резко повернувшись, он с места взял скорый шаг. Уже помалу светало, а когда он дойдет к воротам городской башни, наверное, совсем настанет утро. Ведьма крикнула вслед:

– Только возвращайся не тем путем, что сюда шел. Лучше крюк сделай...

Старик шагал, высоко подняв подбородок, чеканя шаг. Крюк, так крюк. Вон по той ложбинке поля пройти, как раз дуга, что надо выйдет. Любава долго провожала его взглядом. Наверное, провожала. Он того не знал наверняка, потому как поклялся всеми Богами на небе, что не обернется. Выдержит.

Потрескавшаяся деревяшка, заменяющая старику отсутствующую ногу, напиталась клейкой слизи, когда в доме ведьмы он наступил в нечто, бывшее лавкой, и теперь на росистой траве оставался четкий, хотя и неразличимый глазу след. Сначала он вел из города до Кривой Березы, а теперь снова поворачивал назад...

ГЛАВА 4

Подходя к воротам, Яромилыч до земли поклонился перед чуром, не пожалел старой спины. Благодарить было за что – и добрался туда-обратно безнапастно, и с Любовой свиделся...

Заря помалу занималась на небе, но все ещё было достаточно рано. Город спал, и Яромилыч бодро пошагал по мостовой, не опасаясь никого встретить. Сейчас путь его пролегал как раз мимо старенького храма Велеса – единственного общественного святилища Зибуней. Здесь, ну, может не именно в этой постройке, а в более ранней, стоявшей на этом же самом месте, жил и Богов славил старинный волхв Велеслав, чтимый святым заступником города. Яромилыч чуть было не поддался желанию заглянуть в храм, нарушая данное ведьме слово. Образ Велеса, вытесанного из грубого седого камня, с великим рогом в руках, прячущимся в космах бороды, встал перед глазами. Такой родной, добрый...

Когда Вятше исполнилось четыре годка, дед покликнул его до себя и, хитро всматриваясь в маленькие смышленные глазенки, спросил:

– А что, внучок, хочешь на Боженьку посмотреть?

Вятша заученно повторил подслушанные от кого-то слова:

– Богов мно-о-ого!

Дед засмеялся, потерял пострельца за чуб:

– Много-то, много, а Велес один такой! Ну, что, хочешь посмотреть?

Вятша подумал и кивнул. Дед, он же ведь плохого не посоветует. Тот крепко ухватил внука за руку и они вдвоем пошагали в храм. Храм показался маленькому Вятше огромным, необъятным. Красивые резные столбы внутри, покрытые переплетенными телами сказочных птиц, диковинных зверей и жутких чудищ, так и манили потрогать их. Велес, каменный, грозный, возвышался в углу, завешанном вышитыми рушниками, что приносили Ему в дар зибуньские женщины. Бог гордо восседал на таком же древнем, как и Он сам, кряжистом пне.

Вятша, завидев каменный чур, обрадовался, вырвал ручонку из лапищи деда и побежал к Велесу. Ему было радостно от того, что сегодня удалось увидеть Боженьку, ведь до этого в храм его ещё не водили. Вятша весело смеялся на бегу, примеряясь, как прыгнет на каменное колено. Маленькой приступки он заметить не успел и полетел кубарем, прямо к подножию статуи. Сломать ничего не сломал, но левое колено теперь украшала изрядная ссадина, обещающая к завтраму превратиться в здоровущий синяк. Вятша горько заревел, зовя деда на помощь. Но раньше деда к нему подоспел старенький жрец, поспеивший выглянуть на крики.

– А-я-яй! – сказал он, качая головой, – Такой маленький, а так громко кричишь! Куда это ты так спешил?

– Я-а-а..., – сквозь слезы захныкал Вятша, – я к Боженьке на колено хотел залезть...

Его научили, что когда старшие спрашивают, надо обязательно отвечать. Вятша был вежливым мальчиком и старших уважал. Жрец, в своем долгопятом одеянии, вызвал у него самое большее уважение, на которое Вятша был способен, и малец воззрился на старика даже с ещё большим восторгом, чем прежде на Велеса. «Наверное, он меня подсадит!» – обрадовался Вятша, но, как оказалось, совершенно напрасно. Жрец, незаметно подавая знак Вятшиному деду, чтоб тот не мешал, подхватил мальчика подмышки и поднял перед собой.

– Ты хотел на бегу вскочить Велесу на коленку? – скорее утверждая, чем спрашивая, сказал он.

Вятша прилежно закивал головой.

– Примерно откуда ты бежал? От дверей? От столбов? Откуда?

– От второго столба! – гордо заявил мальчуган, поглядывая на деда.

– Хорошо!

Жрец отнес его ко второму столбу, поставил наземь и сказал:

– Первый раз не считается. Но вот если сможешь заскочить, куда собирался, даже с разбитой коленкой, то это, мил человек, дорогого будет стоить. Это ж, считай, знак... Велесу это, стало быть, шибко по душе...

Какой там знак, Вятша не понял. Но другое уразумел хорошо – Боженьке это понравится, если он сумеет запрыгнуть к Нему, пусть даже в ногу отчаянно ноет. Пока старики переглядывались промеж себя, он хорошенько примерился и взял разбег. Казалось, что весь мир сосредоточился сейчас для маленького бегуна на каменном колене чура. Шаг, ещё, последний, только бы не споткнуться о ту приступку! Вятша с распахнутыми объятьями прыгнул на изваяние, на жесткое каменное сидалище. Наверное, он мог расквасить нос, расшибить в кровь губы, рассечь бровь или ещё что, но ничего этого не случилось. Каменная пазуха, образуемая изгибом колена Бога, приняла его мягко, как люлька. Она оказалась как раз по его размеру.

Дед, видя отчаянный прыжок внушонки, кинулся было спасать его, уши приготовились услышать отчаянный рев, но жрец удержал его за рукав. Глядя на Вятшу, затихшего в объятьях каменного Божества, старики молча отошли в дальний угол храма, чтобы не мешать...

Дед, после того как они покинули храм, снял с шеи свою оберегу – кабаньей клык, и повесил внуку на шею, показав мальцу большой палец и прибавив:

– Молоток!

Он никогда после не спрашивал Вятшу, как оно там было, что Боженька говорил, и говорил ли? А сам Вятша сохранил это в себе, как самую сокровенную мальчишескую тайну, не рассказав её даже тогда, когда своими страшными тайнами хвастались мальчишки с его улицы, собираясь на посиделках. Да ведь и рассказывать, если так уж разобратся, особо было нечего. Просто, когда он запрыгнул на каменное ложе и устроился там поудобнее, его сморил короткий сон, где он видел Свет и тот сиял лишь для него одного. Потом сон прошел, Вятша как бы увидел себя со стороны, сидящего на колене у Велеса. Боженька улыбался, гладил его каменной, но совсем-совсем нетяжелой ладонью по голове и что-то чуть слышно шептал. Что-то хорошее. Его радовал маленький Вятша. И мальчонка ощущал, что Боженька и впрямь очень родной ему...

Храм никогда не запирался, чтобы любой, кому в том возникла надобность, мог бы придти и поклониться Богам. Дверь была приоткрыта. *Ведь это совсем не долго!* – словно говорила она. – *Только зайти, поклониться и всё...*

Яромилыч обнаружил, что пока ему вспоминалось из детства, он успел свернуть с прямого пути и теперь стоит почти у самого входа. *Ну, заходи же!* – звала дверь. *Неужто, не простишься с Велесом?* – вторил им ветерок. Дверь начала потихоньку раскрываться ему навстречу. Старик вздрогнул. *Это со мной уже было!* Кто-то, кто хотел сбить его с пути, явно торопил события. *Ведь Любава настаивала, чтобы я в храм ни ногой!*

– Ты уж прости, Велесе-Батюшка, что не заглянул к Тебе на поклон перед путем дальним. Но ты ж сам видишь, что дется... Я, где Твой храм увижу, так там и навещу. Хорошо?

Яромилыч стыдливо отвел глаза и поспешил дальше. Дверь за его спиной со стуком закрылась. Как показалось старику, в стуке слышалось *раздражение*.

Пропетляв закоулками, чтобы подсократить дорогу, он вышел сзади своей избы. Немного постоял, прислушиваясь. Кажется тихо. Такая предосторожность уже не казалась ему излишней. После виденного им сегодня, кто другой на его месте, небось, каждого куста бояться бы стал. Яромилыч обогнул дом, вытащил из-под крылечка ключ и отворил дверь. В доме ни

души. Ничто не оживает, с потолка никто не бросается. Кхекнув, старик шагнул за порог. Все вещи на местах, всё как и было оставлено.

– Ладно.

Стукнул палочкой стол, потыкал ею же скамьи да лавки. Честное дерево отозвалось негромким стуком и не выразило желание перекинуться в мерзкий студень да сцапать костыль. Подошел к постели. Постель, как постель. её тоже потыкал палочкой, прежде чем осмелился присесть на краешек, готовый вскочить, если вдруг почувствует приметы бесовского «оживления». Но, видать, права была Любава – это в ведьмином доме каждая щепка пропиталась чародейством, как в мастерской кожевника всё насыщается запахом шкур да квасцами. А здесь никогда не звучали опасные заклятья, сюда никогда не стогнали на работу своенравных духов, так что дерево и глина, когда-то выкупленные у старых Хозяев, честно и незатейливо служили человеку... и не имели силы, чтобы обрести *нежизнь* и исполнить чью-то злую волю.

Только сейчас он почувствовал, как же утомился. Нога заныла, загудела спина, немедленно потянуло в сон. И день ещё не скоро, можно подремать с устатку... И подушки, вон они, прямо под рукой. Нет, нет, нет! Яромилыч затряс головой, вытрясая сонные видения, успешшие набежать перед глазами. Спать сейчас ну никак нельзя!

Кряхтя, он встал, прошелся по дому. Надо что-то с собой взять в дорогу. Самое нужное и не больше трех штук. Что же это будет? Ну, во-первых, кубышка. Яромилыч сел на пол прямо перед нужной половицей, подцепил её за краешек и вытянул. В заглуплении блеснул лощеный бок чёрного кувшинчика. Старик вынул его. Тяжелёхонек! Хорошо что заразе Немиле про него не сказал, а то плакали бы гроши, и уже давно.

– Ну-ка!

Яромилыч треснул его о пол и сосуд сразу же раскололся на крупные черепки. По полу запрыгали медяки, рубли серебра да пара золотых монеток. На беглый взгляд негусто – однако на дорогу до Синебугорска хватит с избытком, если не кататься на тройках, не гулять в роскошных трактирах да не играть в зернь с побродягами. А Яромилыч и в бесшабашные юные годы, хоть и не дурак был гульнуть, безудержным мотовством не отличался. Он сгреб все добро в горку, пересыпал на тряпицу, скрутил сверток поудобнее и спрятал за пазуху. Так, что ещё? Следующей он решил взять дорожную суму через плечо. Она завалилась ещё с *того* странствия. Думал, что уже не пригодится, но все не выбрасывал. Хорошая ведь, кожаная, бисером изукрашена. За ненадобностью, дед хранил в ней какие-то тряпки да гвозди. Все это было немедленно вытрусено на пол, и сумка удобно пристроилась на боку.

– Та-ак! – протянул дед, – Что ещё?

Ничего из одежды брать не хотелось. В дороге это только отяготит, бывалый странник хорошо знает такие простые истины, намучив свои плечи и спину. Если руки на месте, тообразишь что делать, когда одежда-обувка порвется или загрязнится. Взять нужно что-то *действительно* необходимое. Но что? Яромилыч заозирался по сторонам, ища это что-то. Взгляд, в конце концов, остановился на полочке, где стояло несколько книг. Всего-то пять штук. Две берестяных, одна на коже и три на тоненьких березовых дощечках. Книги собирались всем родом. Три в разное время купил отец, одну принесла в семью его мать, вместе со всем остальным своим приданным. А самую первую, берестяную, раздобыл где-то Олыша-дровосек, прадед Вятши. Вятша прочитал их все от корки до корки ещё в детстве, не все понял, но во многом разобрался с подсказкой старших. Среди всех книга прадеда – «Зазибуньские тайнословия» – была самой ценной.

В ней были записаны пророчества старинного волхва Велеслава о судьбах мира, и о судьбах его родного города. Маленький Вятша был уверен, что старый волхв написал в книге обо всем на свете, что случится после него. Обо всем и обо всех! Даже о нем, о маленьком мальчике. Нужно было только правильно понять, о чем там говорилось. А написано сложно.

В нескольких строчках своих вириш, Велеслав обсказывал какие-то знаки, доступные, наверное, лишь одному ему, язык был старинный, страницы темные. Но насколько было интересно разгадывать загадки, заданные старинным волхвом!

Дед был уверен, что книга написана рукой самого Велеслава, но в подтверждение своих слов ничего привести не мог. Книга эта, казавшаяся единственной, как оказалось поздней, существовала во множестве списков. Вятши довелось повидать несколько таких берестяных рукописей, и он всегда с удовлетворением отмечал, что у них в семье храниться самая старая книга. Списки различались меж собой как количеством пророчеств, так и содержанием отдельных записей.

Сколько увлекательных часов провел Вятшиа, перелистывая ветхие страницы! Некоторые вириши он даже освоил наизусть. Когда на улице мальчишки играли «в волхва Велеслава», то роль мудрого волхва всегда отдавали ему, потому что никто лучше Вятшии не мог грозно изречь пророчество да ещё при этом остаться серьезным. Книга стала лучшим его другом, по ней мальчонка даже приучился гадать, когда узнал от сестры одного из приятелей, что так делают девчата. Способ был совершенно несложный: задумываешь вопрос, сосредотачиваешься (Вятшиа даже придумал маленькую молитву, которую призывать дух волхва Велеслава, чтобы помог ему в гадании) и резко распахиваешь книгу, где попало, тычешь пальцем не глядя, а потом читаешь ответ. Истолковать мудрёные речения удавалось не всегда, но впоследствии пророчество с удивительной точностью сбывалось.

Старик встал на лавку, снял рукопись с полки и бережно растворил «Тайнословия» наугад и прочитал нетленные строки:

*Не встанет Солнце
На западе...³*

Лично ему всегда казалось, что это пророчество предвещает расцвет Зибуней, не сейчас, конечно, а в отдаленном будущем. Да, эту книгу обязательно нужно было взять с собой. Сдув с обложки пыль, он сунул её в суму поглубже. Ну вот, теперь, кажется все. Дед обошел дом по кругу, касаясь рукой всего, что попадало пальцам навстречу – родные стены, бока печи, стол, постель, полки. Взгляд упал на красный кут, где дружно сгрудились маленькие резные изображения Богов и пращуров. Яромилыч неловко опустился на колена.

– Отцы и деды! – зашептал он, – Предки вещие, во Сварге золотой идущие, меня, Вятшу услышите! Дом родной покидаю не своей волею. Пособите мне во пути, во дороженьке, не оставьте свою подмогою. Что кут красен оставляю, за то не вините, ведь сами знаете, что с собой взял бы, коли мог...

Он поднялся, несколько смятенный своими же словами. Вот, вроде как, с родными стенами и распрощался. Он подошел к столу, поцеловал *Родову ладонь* в самую середку, поклонился печи, что святой огонь в себе держала, что и лечила его, и чистила, и кормила. Всё, теперь всё...

Перед самой дверью из хаты Яромилыч остановился ещё раз. Над дверью висела сильно поистертая подкова. Оберег от худого гостя и от силы нечистой. «Оберег! Ещё один оберег мне не помешал бы!» – подумал старик, кивнув сам себе головой. Подкова та имела свою историю и хранима была как семейное достояние.

---

³ Все стихотворные цитаты (за исключением нескольких, оговоренных в сносках случаях) для «Зазибунских тайнословий» взяты из книги И. Черкасова (влх. Велеслав) «Песни Светославия» (М.: ИОИ, 2000).

В первый день когда Олыша-дровосек прибыл в Зибуня, эта подкова попала к нему под ноги.

– Славно! – засмеялся тот, – Дома у меня ещё нет, а подкову на дверь я уже сыскал! Хороший знак!

Потом он нанялся за ночлег, прокорм и гривну в месяц поработать к одному мужичку, не имевшему сыновей, зато вырастившего аж четырех дочерей на выданье. Ещё одна пара мужских рук, да так задешево, да ещё таких справных, была совершенно не лишней. Олыша проработал год, два, а на третий, скопив малость звонкого серебра, засватался к хозяйской дочке, Вереюшке. Вятшин прапрадед, а мужичок в итоге стал им, только рад был, что зять у него такой оказался. Свадьбу сыграли скромную, но зато честь по чести! Вдвоем с тестем справили новый дом, и Олыша, сразу после того, как в дом запустили петуха и вкатили ковригу ржаного хлеба, прибил над дверями внутри избы старую лошадиную подкову. Вятша её потом, когда в новый дом перебрался, с собой забрал.

– Любава сказала, вроде как, только три вещи взять. Так, и что у нас есть? Кубышка, книга, сума. Уже три, получается. Подкова тогда лишняя выходит. Или нет? Или сума не счет? Чай и не вещь, как бы, а того, для переноса токмо. А, была, не была! – махнул рукой Яромилыч, очнувшись от воспоминаний, – Прадедову подкову все же заберу!

Знакомый уже зуд в отсутствующей пятке немного озадачил старика. К чему бы это? Вроде ж всё тихо, ничто в доме не оживает... А, пустое! Он взял маленькую лесенку, служившую для залезания на верхний печной лежак, поставил её около дверей, а сам стал искать, чем бы подкову наскоро скovyрнуть. Вся подходящая снасть хранилась на чердаке, лезть долго. О, кочерга подойдет! Длинная, хватистая. Яромилыч прикинул её на вес – то, что надо! Руки, правда, сажей перепачкались, ну, да и ладно. Сейчас главное – подкову добыть!

Он припер засовом дверь, чтобы не выпасть наружу, в сенцы, приставил к дверям лесенку, перехватил кочергу поближе к крюку и полез. Дело пошло туго. Подкова скрипела, гвозди негодующе повизгивали, едва-едва поддаваясь. По молодости, Яромилыч не пожалел гвоздей и приколотил подкову на все восемь дырочек, теперь же оставалось только ругать самого себя, умного такого. Ведь и на трех висело бы не плохо, так нет же, именно на все надо было, тютелька в тютельку. Но, с другой стороны, кто ж знал, что отрывать её придётся? Никто не знал, потому-то и крепил на века.

Сноровисто подсовывая крюк в получившиеся промежутки между упрямой железкой и стеной, дед предвкушал скорую победу. Так, ещё плечом подналечь, ещё разок! Ну-ка, ну-ка! Идет! На-ва-лись! Эх, где вы годы мои молодые?! Жалобно скрипнув напоследок, гвозди поддались и подкова с глухим звоном упала бы на пол, но Яромилыч подхватил её в самом начале падения.

– То-то же! – Дед улыбнулся, обдул её от ржавчины и древесной трухи, и не слезая с лесенки ловко подбросил подкову, метя прямо в суму, оставленную подле печи. Железка попала точно в цель, негромко звякнув о пол.

Наружные двери избы распахнулись от удара, в сенцах послышался топот многих ног, и тут же в дверь, раскачивая лесенку, на которой в изумлении застыл Яромилыч, забарабанили кулаками:

– Эй, одноногий черт, а ну, живо открывай! Мы знаем, что ты дома!

Дед несильно стукнул себя по голове кулаком и пробормотал:

– Говорила Любавушка мне, говорила...

ГЛАВА 5

Любава провожала взглядом Яромилыча, пока он не превратился в совсем маленькое пятнышко на поле. Рассвет наступил ещё не совсем, было прохладно.

– Много недоброго у тебя впереди, Вятшенька, – негромко молвила она. – Сотворю-ка я тебе оберег, может и упасет от чего...

Ведьма достала из мешочка на поясе маковое зерно, смешанное с толчеными травами и солью, что-то пошептала на пригоршню и в три замаха посеяла все это перед собой, прискакивая на каждый замах волшебное слово, и закружилась, зашептала скороговоркою. До стороннего наблюдателя долетели бы лишь отрывки заклинания:

– На море, на океане, на острове на Буяне стоит капище Сварожее, дивное да пригожее... Меж небом и землицей сырой, клянусь непокрытой головой... Уберегите да упасите Боги Святые силой ратною: от глаза лихого, от человека злого, от злосмотрящего и злоглаголящего... Пойди сила во оберег, по час, по день, по год, по век... Море – не суша, камень – не песок, словам моим – крепкий замок!

Но не было стороннего наблюдателя, некому было вслушиваться в ведьмины речи. Там, где она возле себя обвела широким рукавом, явилась светящаяся голубая полоса кругом, дыма ли, тумана ли, да ещё сильно пахло васильками и свежей мятой. Любава развернулась спиной к городу и поспешила в лес, кромкой темнеющий вдаль. Недолго повисев в воздухе после её ухода, полоса истаяла без следа...

Пока Яромилыч ещё только спешил на встречу с Любавой, ведьмин дом занялся пожаром. Внутри полыхало так, словно было полито отборным маслом. Когда занялась крыша, на близлежащих дворах заголосили перепуганные гуси, завыли собаки. На шум выскочили соседи по улице, кинулись тушить, да поздно уж: дом было не спасти и, если осталась в нем хозяйка, то огненное погребение она уже получила. За час дом развалился и то, что не успело прогореть дотла, было затушено общими усилиями. Уставший народ разошелся по домам, умыться да лечь доспать, если получится. Там, где ещё совсем недавно Яромилыч боролся за свою жизнь, чернело едва дымящееся пепелище.

Это выглядело подозрительно. Обычно после пожара, какой бы сильный он ни был, на месте остается печь, сиротливо торчащая чумазыми боками посередь углей. Здесь же её не было и в помине. Но среди соседей не случилось таких востроглазых да сметливых, кто заметил бы это несообразие, ясно указывающее на вмешательство чуждой силы. А может, все слишком устали после тревожной ночной побудки, чтобы обращать внимание даже на такие опасные чудеса. Пожар потушили, своя хата не занялась – и на том слава Богам...

Немного погодя, когда люди разошлись, слой угля в одном месте дрогнул, а потом целый пласт сдвинулся в сторону, открывая взгляду ход в подпол. Первым оттуда тенью выскользнула приземистая тварь. Её голова, очертаниями напоминавшая продолговатый булыжник, без шеи переходила в туловище, напоминающее чудовищно увеличенную короткую и толстую морковь. Туловище, в свою очередь, оканчивалось длинным хвостом. Опорой служили шесть кривых лап. Всё тело твари, кроме хвоста, дырок ноздрей и маленьких красных глазок, было покрыто чёрной роговой чешуёй, которая тихо поскрипывала при движениях.

Там, где у собак бывает шея, тело существа охватывал ошейник, к нему была прикреплена цепь, второй конец которой уходил в подземелье.

Тварь открыла пасть, которую, казалось, кто-то прорубил в её морде неумелым ударом. Открылись кривые жёлтые зубы, высунулся огненно-красный язык, раздвоенный на конце, как у ящерицы. Тварь понюхала вонь пожарища, зарычала, хлестнула по теплым ещё углям длинным голым хвостом.

Вскоре на поверхность земли выкарабкались три создания, похожие на людей не больше, чем первая тварь напоминала пса. Все как один невысокого роста, даже под тёмными накидками видно, что худые, даже скорее тощие. Двигались они неловкими резкими рывками, словно конечности их затекли. Первый держал тварь на цепи. Трое двуногих бесов сошлись вместе и недолго стояли так, словно тихо переговаривались. Однако сторонний наблюдатель – если бы он очутился в это время здесь и не дал бы стрекача, едва завидев «пёсика» – не услышал бы ни звука.

Тот, что держал зверя на привязи, подошел к нему, ударил по холке и потыкал мордой в угли, приказывая нюхать. Зверь фыркнул, но послушно засопел носом, потом стал ходить по пепелищу, увлекая за собой вожатого. Тот, словно сломанная игрушка, ковылял за ним, спотыкаясь об сгоревшие балки, подымая ногами облачка удушливой угольной пыли. Двое других застыли на месте, ожидая. Наконец тварь что-то унюхала и резко подала в сторону от места пожара, вожатый коротко чирикнул, подзывая сотоварищей. Те немедленно присоединились к ним, ковыляя как и первый, сильно поддёргиваясь на ходу. Зверь шел медленно, старательно выискивая нужный запах, кислый, чуть заметный, на все ещё вполне различимый среди других запахов города. След вел к выходу из Зибуней, к тому самому лазу, через который выбирался Яромилыч на встречу с ведьмой.

Миновав городские укрепления, странная четверка ринулась через поле. Здесь тварь почувствовала себя уверенней, она перешла на рысь, задыхаясь от лютой ненависти к тому, кого искала. За время пути троица существ немного размяла одеревеневшие члены, движения их стали увереннее, гибче, однако шаг так и остался неровным. Зверь тянул изо всех сил, но вожатые сдерживали тварь на поводу, ибо не поспевали за ней. Дойдя до Кривой Березы, тварь забила длинным гибким хвостом, сильно потянула носом и вдруг резко задёрнула мордой. Передними лапами она стала скрести по ней, а потом коротко чихнула. Один из двуногих уродцев потряс зверюгу за ошейник, попытался сунуть носом в траву, чтобы искала, но тварь вывернулась, села и протяжно взвыла, прерываясь на сиплый лай. Другой принялся бродить вокруг своей прыгающей походкой, зачем-то присел, потрогал черными как земля пальцами траву, облизнул кончики, сплюнул.

– Ведьма. Мерзкая. Ворожила, – прохрипел – вернее, проскрипел он. Человек так не мог бы говорить. Такого голоса не услышать и от сороки, которую для забавы обучили людской речи. Казалось, звуки рождают две трущиеся друг об друга деревяшки. – Бхегемотх. Чутьё. Чутьё не отбила...

Ему ответил третий:

– Хозяин. Велел. Скорее.

В продолжение этой не слишком выразительной беседы зверь, названных «бхегемотхом», покружился на месте, опасливо пригнувшись к земле и готовый в любое мгновение отпрыгнуть. Наконец он нашёл то, что искал – обрывок следа.

– Есть след. Одноногий. Назад ходил. Будем брать. Идём за ним, – сказал один из чело-векоподобных уродцев.

Бхегемотх вскачь понёсся обратно в город, двуногие помчались за ним.

Двое стражников, Мал да Облупа, заступивших в наряд с первыми петухами, коротали время за игрой в зернь. Мал, сидящий рубака, с кривым шрамом на бритом подбородке, вчера сильно продул, и поэтому сегодня был хмур и думал лишь о том, как бы отыграться. Надежда была, но слабая, больше верилось в новый проигрыш. Русский и чубатый Облупа наоборот, был весел, он знал наверняка, что ему повезет и нынче. Ошибались оба.

Бхегемотх, который шёл верхним чутьём, не стал сворачивать к тайному лазу, а ломанулся в ворота. От первого удара скрипнули и затрещали, рассядаясь, добротнo пригнанные доски, а петли жалобно завизжали, подаваясь из опорных столбов. Ошеломлённые страж-

ники замерли. Живой таран ударился в ворота во второй раз. Третьего не потребовалось. Три из четырёх петель, на которые укладывался запорный брус, отлетели, а сам брус треснул наискось и упал на дорогу. Сверху на него рухнула плашмя левая половинка ворот, правая кособоко повисла на верхней петле. Сквозь сломанные ворота ворвалось невиданное доселе чудище, размером с некрупного волкодава, но более ничем не напоминающее ни одного из живущих на земле зверей.

Облупа, вытянув меч и выставив перед собой щит, бросился на тварь, прикидывая на ходу, что надёжнее всего будет подсесть ей пару лап. С покрытой чешуёю тушки меч, чего доброго, соскользнёт, а лапу перерубить – милое дело, посмотрим как ты, шестиножка, на четырёх поскачешь...

Он уже замахивался, и бхегемотх остался бы без лап, но тут послышался крик Мала:

– Ещё напирают, сволочи! Облупа!

Облупа резко повернулся. Зверь шел не сам по себе, за ним на цепи влетел какой-то тощий уродец – маленький, весь закутанный с ног до головы. От него веяло опасностью. А за ним вбегали ещё двое таких же. Первого «гостя» Мал поприветствовал мечом, без затей ударив справа сверху вниз. Уродец не попытался ни отшатнуться, ни заслониться, он встретил удар молча. Меч врубился в тело, как в дерево, и прочно застрял там. Враг начал падать, обеими руками схватившись за оружие, которое Мал так и не выпустил из руки. Он потерял равновесие и драгоценные мгновения. Облупа рванулся к нему, но, точно в дурном сне, застыл на месте. А тощий недомерок, напротив, с неожиданным проворством подскочил к Малу со спины, выпростал из-под лохмотьев худую тёмную лапку и ударил воина в незащищённую шею. У Мала подкосились колени, и он рухнул колодой.

– А-а-а, суки! – заорал Облупа. – Суки-и!

И бросился на врага. Русый чуб трепетал на ветру, и меч пошёл по дуге, которая должна была завершиться в разрубленной напополам туше тощего, но тут ему на спину прыгнула шестиногая тварь. Когти разорвали кольчугу и вонзились в мышцы и рёбра. Облупа упал ничком под тяжестью туши, успев подумать, что зря он вчера обидел Мала, ободрив как липку – отыграться другу не пришлось...

Двое оставшихся тощих уродцев молча стояли над телом третьего, перерубленного почти напополам. Из него не вытекло ни капли крови: то ли меч, торчащий в ране не дал, то ли крови в его теле не было вовсе. Бхегемотх лакал кровь, которая набежала из тела растерзанного им кольчужника. У второго воина на теле не было ран, и он всем видом напоминал спящего. На поясе у него развязался мешок, из которого выкатились две игральные кости. Выпало две шестерки...

Существа, обнаружив недюжинную силу, оттащили оба довольно тяжелых тела в неглубокий сухой ров перед стеной, бросив почти под самый проездной мосток. Игральные кости, задевшие волочащейся по земле ногой Мала, откатились на мосток, да так там и остались, не замеченные никем.

– Куда его? – спросил один, кивая головой на павшего сотоварища.

– Туда. В ров, – проскрипел второй. – Те двое. Он убил. Его убили. Добро. Нас не ищут. А мы ходим. Одноногого братъ. Хозяин велел.

Тщедушное тельце убитого подземного беса было брошено рядом с телами обоих воинов. Его товарищи даже не потрудились извлечь меч из его бока.. Теперь о скоротечной схватке в воротах напоминала только кровь на утоптанной земле.

Бхегемотх взял след и потрусил дальше, двуногие последовали за ним. По пути напугали какую-то бабу, вышедшую с утречка пораньше за водой. Та, завидев зверюгу, испуганно замерла, не зная, что делать, но когда она ненароком умудрилась заглянуть под накидку одного из бежавших следом за тварью, то побледнела, словно снег, и собралась завизжать. Бежавший

вторым, не глядя ткнул пальцем ей в скулу. Лицо женщины обмякло, и она упала замертво, далеко раскидав пустые ведра с коромысла.

Шестиногий следопыт довел своих хозяев до дома Яромылыча и сразу же, не останавливаясь, потащил их в сторону. Через четверть часа они были на месте. Однако дальше идти было нельзя. След уводил на княжеский двор.

ГЛАВА 6

В дверь ломились:

– Открывай, старый, мы знаем, что ты дома! Все одно не уйдешь!

Яромилыч вздохнул и глянул на лесенку, на которой стоял. Говорила Любава: бойся лестниц. А ещё говорила, чтоб взял только три вещи и уходил. Вот подкова четвертой вещицей и оказалось. Пока с ней возился, время всё своё потерял как есть. Нога, опять же, чесалась, предупреждала, что опасность.

Кто-то заглянул в окно:

– Осторожнее, у него там в руках железяка какая-то!

Голос вроде бы женский. Странно! Кто это ломится к нему? Чего им надо-то?

Дед неспешно – куда уж спешить теперь-то – слез с лесенки, отставил её в сторону, убрал в угол кочергу и отпер засов. Дверца отлетела, едва не вырванная с петель, и в избу ворвались три княжеских дружинника. Двое с топорами, явно уже собирались ломать дверь, третий с мечом наголо!

– Вы чего же, молодцы, никак в моем доме Богдашку Лесовика ловите?

Тот что с мечом, прошелся по избе, заглянул за печной угол, зло обронил:

– От тебя, старый хрыч, можно и того ожидать, что Лесовик у тебя гостует. Давай, шуруй на двор.

Тут в избу заскочили и остальные. Батюшки святы! Немила! Так вот чей голос слышал Яромилыч за окном. А ей-то что здесь за дело? Немила уперла руки в боки и злорадно ухмыльнулась:

– Что, попался, проклятый? Ну, теперь за всё заплатишь! За все мои слёзы! Поделом тебе!

Следом за ней вкатились дед Грибан с племянничком Краюхой. Это были старые неприятели Яромилыча. Разругались, по сути, из-за пустяка, но никто уступать не захотел, уперлись на своем, став злейшими врагами навек. После тех слов, что они наговорили друг другу в лицо и за глаза, путей к примирению не было. Плутоватые глазки Грибана избегали взгляда Яромилыча. Он потирал вспотевшие руки, кривя усы, но смолчал. Зато Краюха, длинноносый костистый парень в засаленной рубахе, тут же с порога раззявил свой рот:

– А-а, Яромилыч, опасный ты человек оказался! Мы все ж видели, своими глазами! Свидетели мы, ага, очевидцы! Ну, давно тебя надо было на чистую воду вывести, пока этаких делов не наворотил!

– Каких делов? – удивился «опасный человек».

– А то ты сам не знаешь? – хмыкнул один из воинов. – Ведьмин дом не ты разве спалил? Гляньте, парни, до чего народ наглый пошёл – сколько времени прошло, а он даже руки от сажи не помыл!

Яромилыч глянул на ладони. Они были чернее ночи. «За кочергу подержался!» – сообразил дед, но растолковывать ничего не стал. Не станут слушать. Про поджог слышать было даже не странно. Чего-то в этом роде можно было ожидать. И ведь не поспоришь – Любавин дом не без его помощи загорелся. Он тогда огнем чиркал, когда культу из той слизи высвобождал, вот дом-то и полыхнул. Так что Яромилыч промолчал.

– Правильно, дед, – сказал мечник. – Чего трепыхаться-то зря? Нам велели тебя доставить – мы и доставим. Будешь упираться или, сохраните Боги, примешься костылём махать – так и вовсе свяжем. Но я надеюсь, ты пойдёшь добром. Человек ты старый, почтенный – зачем тебе срамиться? Суд будет, на суде и скажешь – что было, чего не было...

Через некоторое время Яромилыч шагал по улицам Зибуней с торжественным сопровождением. Впереди шёл мечник, очевидно бывший старшим в наряде. Он нёс сумку, отобранную

у старика. В сумку запихнули тряпицу с серебром: прежде, чем выходить, мечник под жадным взглядом Немилы (богат оказался, одноногий чёрт!) пересчитал всё до последней копейки, и записал на кусочке бересты. Ещё один воин вел Яромилыча, придерживая его за плечо. Третий просто шагал рядом, а за ним торопились Грибан с племянником и Немила, подхватив повыше край поневы.

Те, кто в ранний час уже вышел из дому, удивленно глядели в след. Народ недоумевал:

– Куда ж это Яромилыча ведут?

– Да Велес его знает, может, натворил одноногий чего?

Старика привели прямехонько к терему князя. «Неужто сам Мстивид меня судить будет?» – задумался он. Но нет, его провели длинными сенцами, потом по сводчатым переходам, коих в тереме имелось в изобилии, наконец усадили на скамью перед какой-то дверью. «Свидетели» потерялись при входе – должно быть, в покои их не пустили. По бокам от деда встали двое дружинников, а третий, несший сумку, заскочил внутрь помещения так быстро, что Яромилыч не успел разглядеть, что там, за дверью. Вскоре он выскочил обратно, что-то сердито бормоча под нос. Долгое время ничего не происходило. Вояки стояли истуканами и даже меж собой не разговаривали. Яромилыч хотел было побалагурить, но, мельком глянув на каменные лица охраны, передумал и лишь спросил:

– Долго тут сидеть-то?

Время и правда прошло уже порядочно. Час, не меньше. Но никто из-за двери не выходил, внутрь не звал. Даже шума никакого слышно не было.

Один из стражи нехотя ответил:

– Долго, не долго. Тебе теперь все одно теперь спешить некуда.

– Оно понятно, – согласился дед, – А к кому хоть привели? Ведь не до князя же?

Отозвался второй воин:

– К воеводе привели.

По выражению лиц обоих дружинников, было видно, что им этот воевода нужен так же, как собаке пятая нога. Яромилыч же не мог поверить своим ушам. Воевода? Откуда в Зибунях взялся воевода?! В силу малости города, князь держал совсем небольшую дружину, которой сам же и распоряжался. Дружинники охраняли князя, присматривали за порядком на улицах города и сторожили посменно при въездных воротах. Разбойные ватаги, конечно, пошаливали в лесах вокруг – где без этого! – но в городе озоровать не осмеливались, в силу чего Зибуня и слыли довольно мирной волостью. Иметь ещё и воеводу было не только бессмысленно, но и слишком накладно для государства, потому-то в своё время и боярин Вышата получил отставку. И вот теперь откуда-то взялся новый воевода!

– Какой воевода? – изумленно спросил Яромилыч, ерзая на скамье.

Стоящий справа буркнул:

– Вчера днем приехал. Говорят, из Синебугорска прислали, листы оттуда привёз, с печатями, всё честь честью. Будет теперь у нас всеми Приказами сразу заведовать. И Сыскным, и Тайным, и всеми остальными. Так сразу и заявил, как приехал. А какие Приказы? У нас тут в глуши ничего такого отродясь не было! Нас к себе прямо посередине ночи вызвал, велел тебя из-под земли достать и ему предъявить. Говорит, донесли ему. Небось, эти самые и донесли, баба да два мужика, что с нами у тебя были.

Яромилыч слушал, открыв рот. Эвон, как презанятно получается, если все сопоставить! Вчера днем вдруг приехал воевода, который тут и даром не надобен, и уже ночью посылает за ним, получив донос о поджоге. И именно прошлым вечером он, Яромилыч, и пошёл в ведьмин дом, причем пожар начался ночью. Если его видели выбирающимся с Любавино двора, то донести должны были немедленно, причем уже зная точно – кому. Что-то больно скоро все получилось. И воевода этот как нельзя «кстати» подвернулся... Не о том ли ведьма предупредила, что бед впереди ещё много?

Стражник, решив, что наговорил лишку, замолк. Похоже, окончательно. Яромилычу расхотелось спрашивать. Толку-то? Какое-то время погода и так все станет ясно. Он устроился поудобнее, насколько это было возможно на жесткой скамье, и принялся ждать. Должно быть, воевода нарочно задержал его перед дверью, чтобы обвиняемый вдосталь помаялся неизвестностью. Чтобы, как предстанет пред ясны очи батюшки-воеводы, уже настолько был измотан страхом, что готов был бы признаться в любом лиходействе – только, мол, отпусти душу на покаяние!.. Большую часть жизни Яромилыч прожил тихо и мирно, с дознавателями никогда проезде не сталкивался, но подумал, что, доведись ему допрашивать преступника, он действовал бы именно так.

Вот только хитрый расчёт загадочного нового воеводы в этот раз не оправдался. Неприличные приключения вкупе с бессонной ночью вымотали Яромилыча, и вскоре дед мирно заснул, крепко уперевшись палкой в пол.

Новоприбывший воевода этой ночью тоже бодрствовал, ибо не до сна ему было, ох не до сна. Худощавый, с благообразной бородой, зачесанными на пробор волосами и в новенькой богатой шубе, положенной ему по должности, в мягких замшевых сапожках, он метался по горнице, точно зверь по клетке, и на душе у него было не светлее, чем у татя, ожидающего суда.

Дело, в которое он ввязался, было для него новым, а наниматели были такими важными и могущественными людьми, что в случае неудачи ему бы оторвали голову. В прямом смысле. После того, как поотрывали бы руки-ноги и всё остальное. Несколько раз воевода подумывал, а не стоит ли ему выйти, скажем, до ветру, переоблечься в одёжку попроще и удрапать из Зибуней, чем дальше, тем лучше. Но потом он вспоминал, какую выгоду сулило удачное завершение дела, и, вздохнув, гнал мысли о побеге.

Воеводой он стал недавно: седмицу назад. Он не был ни боярином, ни витязем, а промышлял мошенничеством. Он «охотился» на состоятельных вдовушек, тоскующих по мужскому вниманию – в этом ему помогала представительная внешность и вежливое обхождение. А пожив у очередной простушки, поверившей, что теперь в её жизнь вошло настоящее счастье, Кот (как прозвали его собратья по ремеслу) правдами-неправдами узнавал, где она хранила свои сбережения. После чего исчезал из этой её жизни навсегда, прихватив несколько ценных вещиц и одну, совершенно пустяковую. Ценности сбывал нелюбопытным скупщикам, а пустяковину обязательно оставлял на память. Прогуляв добычу, он снова шёл на охоту.

В один прекрасный день у него закончилось серебро, которым против своей воли поделилась с ним вдова богатого купца. Кот сидел в синебугорской корчме, «славившейся» своим дешевым вином, и печально рассматривая кошель, в котором лежал только один медный пятак. А это значило – пора кончать загул да выходить на охоту, а настрой, в кои-то веки, был совершенно не боевой. Мелькнула паскудная мыслишка – срок пришёл, истаскался ты, Котяра, отливаются мышкены слёзки. Привык охмурять богатых вдовиц, а какая на тебя посмотрит, коли у тебя от одёжи разит дешёвой гостиницей, морда серо-жёлтая от плохого вина, а в глазах – не поволока томная с обещанием неземного блаженства, а просьба «дайте покушать!» Кто на такого польстится – «тётка, дай водицы испить, а то так есть хочется, что переночевать негде!»

Погружённый в скорбные размышления, Кот и не заметил, что у него появился сосед. Напротив него за столом уселся полноватый плешивый человечек, неприметно одетый – мимо пройдёшь и не заметишь. Но Кот был не из тех, кто может позволить себе плохую память на лица. А этого плешивца он прежде не встречал. Между тем, в корчме, где Кот горевал над кружкой, случайных людей не бывало. Тут собирался *деловой* народ – отметить удачное дельце или обсудить новое. И здесь водился такой обычай – без дела не подсаживаться, особенно к незнакомым.

– Один важный человек зовёт тебя на разговор, – сказал плешивец на немой вопрос Кота.

– Если я ему так нужен, пусть приходит сюда, – заявил Кот – больше для порядка, чтобы набить себе цену.

– Ты дурак или плохо слышал? – холодно осведомился плешивец. – Он не пойдёт в этот клоповник. – Человечек развернул у Кота перед носом берестяную записку, – Вот тут указано, куда тебе прийти, улица и дом.

Кот внимательно прочитал, запоминая. Потом потянулся, чтобы взять записку. Человечек проворно отдернул руку, скрутил берестяной клочок, отрицательно качая головой. Правильно. Значит и впрямь важный человек зовет, по крайней мере *с понятием* – не хочет следов этого разговора оставлять. Мошенник кивнул, показывая, что все понял, и содержание записки помнит. Человечек поспешил из корчмы вон. Кот встал и подошел к дверям, не намереваясь, впрочем, идти за ним следом. Отсюда было хорошо видно, как умело человечек путает след. Пока шел, успел три раза обернуться и дважды сменить направление, прячась за спинами прохожих.

Что ж, доброе дельце сейчас бы не помешало. Коту и в самом деле не очень хотелось идти соблазнять очередную вдовушку. Нет, конечно, среди них попадались иной раз очень даже не дурные на лицо и вообще, женщины душевные, но гораздо чаще было как раз совсем наоборот. Да и годы не молодые, прыть уже не та, что в двадцать лет, сколько ни бодрись, ни храбрись, а с котовским ремеслом пора завязывать. А предложенное дело пахнет золотом – в таких случаях нюх Кота не обманывал.

Кот выкатил из кошелья свой последний пятак, подкинул его пару раз и решительно подошел к небольшому закоптелому чуру Велеса, Дедушке всех воров. Такие чуры стояли в тех значных местечках, где собирались любители легкой наживы. В небольшой горшочек у основания Бога постоянно сыпались монетки любого достоинства из всех стран света – это жертвовали своему покровителю те, кто шел на дело, заручаясь Его подмогой, и те, что возвращались с дела, делясь с Ним добычей. Монеты лежали открыто, никем не охраняемые, но ни один из воров даже подумать не мог о том, чтобы украсть оттуда хоть копейку! Удача ж покинет навсегда! А если узнает кто из своих, то перо в бок обеспечено, и это ещё в лучшем случае. В конце месяца приходил кто-то из назначенных для этого дела и забирал монеты. Всё шло на поддержание тех, что томились по княжеским острогам, имеющимся едва ли не в каждом городе. Кот поцеловал медяшку, подержал её в сложенных ладонях и с поклоном положил в горшочек. *Велесе-Государь, пособи работу справную получить!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.